

ПО СЛЕДАМ МОТИВА

Деннис Стюарт

По следам мотива

Деннис Стюарт

Данный текст носит исключительно художественно-публицистический характер и представляет собой субъективный анализ автора, основанный на открытых источниках в сети Интернет, критических статьях, книгах и независимых расследованиях (включая материалы книги «Маньяк против Бога»). Все описанные в главе события ранних лет жизни, психологические мотивы, внутренние переживания и детские трагедии героя являются авторской реконструкцией, попыткой глубокого философского и психологического осмысления сложной человеческой судьбы и отражают личное оценочное восприятие автора.

Оглавление

Глава 1. Онтологическая катастрофа гиперреальности

Глава 2. План жизнеописания: режиссёрская экспликация

Глава 3. Истоки тьмы: двойной надлом детства

Глава 4. Философия побега из симуляции

Глава 5. Агония репрессивного симулякра: пустота в конце коридора

Источники

Глава 1. Онтологическая катастрофа гиперреальности

Классическая европейская рациональность, бравшая свое начало в платоновском различении сущности явления и укрепившаяся в новоевропейском картезианском субъективизме, всегда исходила из предпосылки о существовании объективной, укорененной в бытии реальности. Знак, слово, образ или художественное произведение мыслились как законные представители этой реальности, призванные указывать на нее, прояснять ее или, в крайнем случае, служить ее несовершенными копиями. Предполагалось, что за каждым означающим неизменно стоит плотное, материальное или метафизическое означаемое, своего рода онтологический якорь, удерживающий культуру от падения в хаос бессмыслицы.

Проект Просвещения, немецкий классический идеализм и даже марксистская критика капитализма, несмотря на все свои внутренние противоречия, разделяли эту фундаментальную веру в референт, в то тождество бытия и мышления, которое гарантирует истинность человеческого опыта. Однако эпоха позднего индустриального перепроизводства и полной медиатизации нанесла сокрушительный удар по этой классической эпистемологической рамке. Переход от экономики производства товаров к экономике потребления знаков разрушил прежние представления о ценности, труде и значении.

Именно в этой точке интеллектуального и исторического разлома возникает фигура Жана Бодрийяра, одного из самых радикальных, бескомпромиссных и проницательных мыслителей эпохи постмодерна. Бодрийяр не просто констатирует кризис традиционной метафизики, он провозглашает ее окончательный уход и начало новой эры, где сама категория реальности оказывается упраздненной. Его философия представляет собой беспощадный манифест конца репрезентации, в котором утверждается, что знак больше не представляет реальность, а скрывает ее отсутствие, поглощает ее и в конечном итоге занимает ее место.

Радикальный жест Бодрийяра заключается в отказе от ностальгии по утраченному бытию. В отличие от своих предшественников, таких как Мартин Хайдеггер, оплакивавший забвение бытия, или Карл Маркс, искавший подлинные

производственные отношения за фасадом товарного фетишизма, Бодрийяр утверждает, что никакого подлинного источника за пределами знаковой системы больше не существует. Великая иллюзия репрезентации разрушена не потому, что наши инструменты познания испортились, а потому, что сама реальность растворилась в бесконечном самовоспроизводстве образов. Философ переводит дискурс из плоскости познания в плоскость онтологии, показывая, что современный человек обитает внутри полной симуляции, где знаки ведут войну не за право наиболее точно отразить мир, а за право полностью избавить человечество от необходимости в самом этом мире. С этого момента начинается эпоха Симулякра, чье триумфальное шествие стирает границы между истиной и ложью, присутствием и отсутствием, жизнью и ее бесконечным медийным дублированием.

Основополагающим вкладом Жана Бодрийяра в современную философию является детально разработанная теория эволюции знака и концепция прецессии симулякров. Под прецессией мыслитель понимает парадоксальный процесс, в котором карта начинает предшествовать территории, порождать ее и в конечном счете заменять. Если в классическую эпоху карта была вторичным отражением географической реальности, то в эпоху постмодерна именно сконструированные модели, абстрактные схемы и знаковые коды начинают определять, конструировать и легитимизировать то, что мы привыкли считать действительностью. Реальность больше не является первичной точкой отсчета, она становится производной от моделей симуляции. Чтобы объяснить этот процесс исторической и онтологической дегенерации, Бодрийяр формулирует концепцию четырех последовательных фаз эволюции образа, каждая из которых знаменует собой все большее удаление от бытия.

На первой фазе образ является верным и доброкачественным отражением глубокой реальности. Это порядок сакрального знака, где изображение честно выполняет свою репрезентативную функцию. Здесь существует прямая, недвусмысленная связь между означающим и означаемым. Портрет правителя указывает на реального правителя, религиозная икона отсылает верующего к трансцендентному божественному присутствию, а слово именуется конкретной вещью в мире. Знак наделен высокой моральной и онтологической ценностью, поскольку он укоренен в истине бытия и служит ее проводником. Симуляция на этом этапе невозможна, так как любое искажение знака воспринимается как святотатство или прямая ложь, легко разоблачаемая путем сопоставления с оригиналом.

На второй фазе образ начинает маскировать и искажать глубокую реальность. Это эпоха классического искусства и раннего промышленного капитализма, где знак приобретает определенную автономию и начинает играть с реальностью, создавая иллюзии. Образ больше не отражает мир беспристрастно, он приукрашивает его, драматизирует или подчиняет идеологическим задачам. Здесь рождается подозрение, что знаки могут лгать, однако эта ложь все еще предполагает существование скрытой за ней истины. Классическая критика идеологии, например, марксизм, работает именно на этой стадии, пытаясь сорвать покровы иллюзий и ложного сознания, чтобы обнажить подлинную структуру материальных отношений. Реальность все еще здесь, хотя она и скрыта за декорациями репрезентации.

Третья фаза знаменует собой качественный разрыв в истории духа: образ начинает маскировать отсутствие всякой глубокой реальности. Знак больше не пытается что-либо исказить, он разыгрывает представление присутствия там, где зияет абсолютная пустота. Это начало симуляции в ее чистом виде. Образ убеждает нас в том, что за ним скрывается некое сокровенное содержание, тайна или истина, в то время как главной и единственной его тайной является то, что за ним нет абсолютно ничего. Ярким примером этой фазы у Бодрийяра выступает Диснейленд. Этот тематический парк представляет собой симулякр третьего порядка, чья истинная функция заключается не в том, чтобы развлекать детей, а в том, чтобы маскировать тот факт, что вся остальная взрослая Америка является точно таким же Диснейлендом. Создавая гипертрофированно инфантильный, сказочный мир внутри парка, обывателя убеждают в том, что за пределами его ворот простирается настоящая, серьезная и разумная реальность, тогда как в действительности Лос-Анджелес и вся американская жизнь давно превратились в такую же игровую симуляцию.

На четвертой, финальной фазе образ полностью утрачивает какую-либо связь с реальностью, переставая принадлежать к порядку репрезентации. Он становится чистым симулякром, который отсылает исключительно к другим знакам в замкнутой, самореферентной системе. На этом этапе симулякр производит собственную истину, не нуждающуюся в подтверждении со стороны внешнего мира. Бытие окончательно заменяется гиперреальностью.

Гиперреальность — это не просто вымысел или фантазия, это состояние, в котором модели реального замещают само реальное, создавая среду, которая воспринимается как

более осязаемая, убедительная и эмоционально насыщенная, чем утерянная физическая или социальная действительность. В гиперреальности различие между истиной и ложью теряет всякий смысл, поскольку у нас больше нет внешней, независимой точки наблюдения, которая позволила бы верифицировать симулируемые объекты. Территория стерта, и человечество обречено блуждать по бескрайним просторам географической карты, которая сама себя дорисовывает.

Переход общества в состояние всеобщей гиперреальности подтверждается повседневной практикой функционирования современных средств массовой коммуникации, индустрии рекламы и политических технологий. Бодрийяр одним из первых осознал, что масс-медиа производят не информацию о событиях, а сами события как медийные феномены. Потоки сообщений, транслируемые экранами, не проясняют окружающий мир, а, напротив, поглощают смысл, осуществляя имплозию социального пространства. Чем больше информации выбрасывается в информационное поле, тем меньше смысла в нем остается, поскольку медиа функционируют по законам бесконечного самовоспроизводства знаков, уничтожающих всякую дистанцию между зрителем и происходящим, лишая человека возможности для критического осмысления.

Наиболее ярким и скандальным проявлением этого теоретического положения стал цикл эссе Бодрийяра, посвященный войне в Персидском заливе. Заявление философа о том, что этой войны в действительности не было, вызвало волну непонимания и обвинений в цинизме. Однако Бодрийяр вовсе не отрицал физического насилия, гибели людей и разрушения инфраструктуры. Его тезис лежал в плоскости онтологии медиа. Он утверждал, что то событие, которое весь мир наблюдал под именем войны, являлось чистой симуляцией, высокотехнологичным телевизионным продуктом. Война была просчитана на компьютерах, виртуально смоделирована еще до своего начала и преподнесена зрителю как стерильное и точное зрелище ночных съемок с зелеными фосфорными вспышками и компьютерными траекториями ракет. Реальное насилие было полностью поглощено и растворено в кодах телевизионной трансляции. Эта война велась не ради достижения конкретных геополитических целей в физическом пространстве, а ради подтверждения господства самой медийной машины симуляции. Она существовала как экранное событие, где реальные жертвы служили лишь топливом для поддержания гиперреального зрелища.

Аналогичные процессы деструктуризации референтности происходят в сфере рекламы и потребления. В потребительском обществе индивид больше не покупает вещи ради удовлетворения своих непосредственных утилитарных нужд. Потребление превратилось в систематическое манипулирование знаками социальной престижности, статуса и идентичности. Покупая автомобиль, одежду определенного бренда или заказывая еду в модном ресторане, человек приобретает не физический объект, а симулированный образ жизни, заложенный в этот объект рекламной индустрией. Реклама создает автономную систему знаковых различий, где вещи соотносятся не со своими потребительскими свойствами, а друг с другом. В такой вселенной дефицит материальных благ заменяется избытком симулированных потребностей, которые принципиально не могут быть удовлетворены, так как они направлены не на физическое насыщение, а на бесконечную погоню за ускользающим социальным кодом.

Виртуализация политики представляет собой еще одно неопровержимое доказательство торжества симулякров. Политическая борьба в современном мире окончательно переместилась в медийную сферу, превратившись в состязание симулированных образов, пиар-стратегий и политтехнологических конструкторов. Идеологические споры о будущем человечества уступили место борьбе имиджей, где кандидаты выступают в роли рыночных брендов, а избиратели совершают потребительский выбор, основанный на эмоциональной привязанности к телевизионному симулякру.

Политическое событие происходит не тогда, когда принимается важный закон или меняются условия жизни граждан, а тогда, когда об этом сообщают в новостях, сопровождая трансляцию соответствующим экспертным комментарием. Сама демократия превращается в симуляцию народного волеизъявления, где общественное мнение конструируется с помощью социологических опросов, которые сначала симулируют позицию масс, а затем выдают эту сконструированную модель за реальный глас народа. Политическое поле становится пространством масштабного симулякра, где власть озабочена исключительно симуляцией собственной значимости и дееспособности.

Если во времена Бодрийяра симуляция осуществлялась преимущественно через традиционные медиа, такие как телевидение и пресса, то сегодня мы являемся свидетелями беспрецедентного алгоритмического триумфа симулякров, который

погружает человечество в состояние глубокого онтологического шока. Появление социальных сетей, управляемых сложнейшими алгоритмами рекомендаций, генеративного искусственного интеллекта и технологий глубокого синтеза медиафайлов привело к окончательной ликвидации остатков материальной реальности. Современный цифровой субъект обитает в искусственной среде обитания, где каждый информационный квант оптимизирован для удержания его внимания, а не для репрезентации объективного положения дел в мире.

Генеративные языковые модели и системы искусственного интеллекта представляют собой предельное воплощение бодрийяровского симулякра четвертого порядка. Эти технологические системы не обладают доступом к реальному миру, у них нет телесного опыта, эмоций или непосредственного контакта с физическими объектами. Они обучаются на колоссальных массивах текстов и изображений, которые сами по себе уже являются знаковыми репрезентациями. Таким образом, искусственный интеллект производит новые знаки, анализируя вероятностные связи между уже существующими знаками. Это чистая, замкнутая на себе мета-текстуальность, лишенная какого-либо внешнего референта. Когда генеративная модель пишет эссе или создает картину, она не выражает душевное состояние или понимание мира, она симулирует человеческое присутствие и смысл с такой точностью, что само различие между человеческим творчеством и машинной генерацией стирается. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда симуляция интеллекта становится более эффективной, быстрой и востребованной, чем сам человеческий разум.

Технология создания дипфейков наносит новый удар по визуальной верификации реальности, которая на протяжении столетий служила фундаментом человеческого доверия к миру. Если раньше фотография или видеозапись могли служить сильным доказательством исторического факта, то сегодня любая визуальная репрезентация может быть синтезирована с высокой, а иногда почти неотличимой от подлинной степенью достоверности. Фотография больше не свидетельствует сама по себе о том, что нечто действительно имело место в прошлом. Дипфейки подрывают архивную память человечества, превращая историю в пластичный материал, который может быть переписан в реальном времени. В этой цифровой гиперреальности любая новость, любая видеозапись политического лидера или катастрофы оказывается под подозрением. Человек теряет возможность безоговорочно опираться на свои органы чувств, поскольку

симулированный образ выглядит безупречно, не оставляя шрамов и швов на теле цифровой лжи.

Алгоритмические ленты новостей и рекомендательные системы социальных сетей фрагментируют общее социальное пространство на миллионы индивидуальных гиперреальных пузырей. Алгоритмы непрерывно изучают поведение пользователя, его страхи, предпочтения и слабости, чтобы конструировать для него персональную версию реальности, максимизирующую вовлеченность. В результате люди, живущие в одном физическом городе, могут обитать в совершенно разных онтологических мирах, где факты, история, наука и политика симулируются в соответствии с их психологическими профилями. Эта массовая индивидуализация симуляции лишает общество единой ценностной и смысловой платформы. Человек теряет онтологическую опору, оказываясь запертым в зеркальном лабиринте собственных отражений, которые алгоритмы бережно транслируют ему под видом объективной картины мира. Наступает эпоха когнитивного сиротства, когда субъект больше не способен верифицировать собственное существование вне рамок цифровой симуляции.

Торжество симулякров не ограничивается макросоциальными институтами, медийными кампаниями или технологическими прорывами; оно проникает в самые интимные глубины человеческого существования, деформируя структуру личной истории, памяти и индивидуальной идентичности. В эпоху цифрового нарциссизма человек сталкивается с необходимостью непрерывно симулировать собственную жизнь для внешнего взгляда, превращая свой личный опыт в эстетически безупречный медийный эрзац. Подлинное бытие заменяется его репрезентацией на экранах гаджетов, а личная биография переписывается в угоду законам цифрового рынка.

Создание виртуальной идентичности в социальных сетях представляет собой процесс конструирования персонального симулякра, который постепенно вытесняет реального, несовершенного и уязвимого субъекта. Человек тщательно отбирает фрагменты своего опыта, фильтрует фотографии, лакирует свои достижения и конструирует нарратив об успешной, счастливой и осмысленной жизни. Этот отполированный цифровой профиль не является простым отражением личности; это симулякр, созданный в соответствии с ожиданиями аудитории и алгоритмическими трендами. Парадокс заключается в том, что со временем субъект начинает идентифицировать себя именно с этой идеализированной цифровой копией. Он начинает

испытывать тревогу и депрессию, если его реальное самочувствие, проблемы или физический облик не соответствуют тому глянцевого образу, который он сам же и создал. Реальная жизнь начинает восприниматься как досадная помеха, грязный черновик, который необходимо скрывать за фасадом безупречной виртуальной репрезентации.

В этом контексте происходит глубокая трансформация человеческой памяти. Фотографии и видеозаписи, изначально призванные фиксировать воспоминания о важных событиях личной истории, начинают эти воспоминания уничтожать. Человек больше не переживает событие непосредственно; он переживает его через призму того, как оно будет выглядеть на экране. Путешествие, семейный праздник или романтическая встреча превращаются в съемочную площадку, где главной задачей становится производство качественного контента. Если событие не было запечатлено и опубликовано, оно в гиперреальности начинает казаться ненастоящим, лишенным социального признания и, следовательно, онтологического статуса. Мы помним не то, что мы чувствовали или думали в тот момент, а ту отредактированную фотографию, которая осталась в цифровом облаке. Технологические медиа-копии колонизируют нашу внутреннюю память, заменяя живой, хаотичный и противоречивый душевный опыт стерильными, стандартизированными симулякрами воспоминаний.

Эрзацы экзистенциального опыта проникают и в сферу межличностных отношений. Общение, дружба и любовь симулируются с помощью интерфейсов платформ коммуникации. Лайки, эмодзи и короткие текстовые сообщения создают иллюзию глубокой эмоциональной связи при полном отсутствии реального человеческого присутствия, требующего душевных усилий, терпения и готовности к встрече с Другим в его инаковости. Отношения превращаются в потребительский процесс, где партнеры оцениваются по шкале рыночной привлекательности, а их роли расписаны по шаблонам терапевтического дискурса или поп-психологии. Человек симулирует эмпатию, близость и понимание, оставаясь при этом глубоко одиноким и изолированным в своей субъективности. Трагедия современного человека заключается в том, что он вынужден жить в условиях перманентного дефицита подлинности, пытаясь компенсировать эту пустоту все новыми порциями симулированных переживаний и искусственных эмоций.

Для понимания того, насколько глубоко симуляция способна переформатировать человеческое существо, необходимо обратиться к анализу экстремальных форм воздействия на личность. В пространстве позднего модерна, где границы между подлинным и искусственным окончательно размылись, на смену традиционному насилию приходит насилие семиотическое. Философия Жана Бодрийяра предлагает нам оптику, сквозь которую социальные феномены предстают не как борьба реальных сил, а как циркуляция знаков, лишенных референтов. Понятие симулякра — копии, не имеющей оригинала, — становится ключом к пониманию того, как конструируется современная общественная повестка. В этом контексте деятельность Александра Леонидовича Дворкина и созданная им дисциплина, получившая звучное название «сектоведение», являют собой образец прецессии симулякров, когда искусственно созданная карта полностью заменяет собой живую, рельефную территорию человеческого духа.

Смерть реального, провозглашенная Бодрийяром, находит свое практическое воплощение в том, как постсоветское ментальное пространство, травмированное после падения коммунистической системы, было заполнено новыми фантомами врагов. На смену буржуазным шпионам и диверсантам пришел конструкт «тоталитарной секты». Он был сгенерирован как чистый знак, как смысловая пустота, обернутая в медийную упаковку. Александр Дворкин выступил здесь как демиург гиперреальности, сотворивший медийного монстра, с которым общество и государство начали вести изнурительную, но абсолютно иллюзорную войну.

Для понимания происхождения дворкинского сектоведения необходимо обратиться к бодрийяровской схеме эволюции знака. Перед этим стоит напомнить, что Бодрийяр выделяет четыре последовательные фазы: сначала знак отражает глубинную реальность, затем он маскирует и денатурирует ее, далее он маскирует отсутствие глубинной реальности и, наконец, утрачивает всякую связь с реальностью, становясь своим собственным симулякром. Сектоведение Дворкина миновало первые две фазы, сразу заявив о себе на третьей ступени, чтобы окончательно закрепиться на четвертой.

Живая религиозность — это хаотичная, сложная, полная противоречий территория человеческих поисков, трагедий, экстазов и разочарований. Она неудобна для административного контроля и не поддается простой классификации. Дворкин производит операцию, аналогичную той, которую Бодрийяр описывал как замену

реального знаками реального. Вместо изучения реальных общин, их социального состава и психологического климата создается абстрактный ярлык враждебного образа — «тоталитарная секта».

Здесь происходит важнейший подлог. Реальные люди, собирающиеся для совместной молитвы, изучения священных текстов или медитации, объявляются лишь внешним фасадом, ширмой, за которой скрывается зловещая, невидимая глазу структура. Эта скрытая структура — абсолютный симулякр. Ее невозможно обнаружить эмпирическими методами, но именно ее невидимость объявляется главным доказательством ее существования и опасности. Сектоведение избавляет себя от необходимости доказывать что-либо в поле реальности. Любое опровержение со стороны верующих трактуется как результат «промывки мозгов», а любое отсутствие улик — как виртуозная конспирация культа. Реальность уничтожается, уступая место гиперреальности, где знак «секта» предшествует самой общине и полностью определяет ее восприятие обществом.

Бодрийяр начинает свой трактат «Симулякры и симуляция» с метафоры Борхеса о карте Империи, которая была настолько подробной, что покрыла всю территорию. С упадком Империи эта карта истлела, оставив лишь лоскуты в пустыне. В эпоху симуляции, однако, именно территория гниет и исчезает, в то время как карта — симулякр — продолжает существовать и определять реальность.

Главный труд Дворкина, его книга «Сектоведение», представляет собой именно такую карту, наложенную на живое тело религиозной жизни России. Эта книга не описывает реальность, она ее конструирует. Каждая классификация, каждый пассаж в этом тексте направлены на то, чтобы стереть индивидуальные различия между конфессиями, нивелировать их исторический контекст и свести все многообразие духовных поисков к единой патологической матрице. Когда чиновник Минюста, судья или сотрудник правоохранительных органов сталкивается с конкретной религиозной группой, он не смотрит на живых людей. Он смотрит на карту Дворкина. Живая человеческая вера, со всеми ее тонкими нюансами, личными драмами и искренними порывами, объявляется несущественной перед лицом авторитета симулякра.

Карта Дворкина диктует реальности, какой ей быть. Если реальная община не проявляет признаков агрессии или деструктивности, это списывается на «тактику двойных стандартов» или «эзотерический разрыв», описанный в дворкинских схемах.

Карта побеждает территорию. Реальные общины закрываются, люди подвергаются остракизму и судебным преследованиям не за то, что они совершили конкретные преступления, а за то, что их бытие вошло в противоречие с предписанной им ролью на симуляционной карте антикультизма.

Симулякр сектоведения не возник в безвоздушном пространстве. Александр Дворкин осуществил масштабный трансфер знаковых систем. Ключевую роль в этой генеалогии сыграли его контакты с Dialog Center Йоханнеса Аагаарда в Дании, а также наследие Фридриха-Вильгельма Хаака в Германии. Эти структуры на Западе уже функционировали как фабрики по производству симулякров, переводя сложнейшие социокультурные и теологические конфликты на упрощенный язык секулярной или контркультурной психиатрии. Дворкин, вернувшись в Россию в начале девяностых годов после пятнадцати лет эмиграции, привез с собой не научные методы, а готовые лекала симуляции. Западные теории «контроля сознания» (mind control) и «промывки мозгов», которые в самих США и Европе подверглись жесткой критике со стороны академического сообщества и судов, были импортированы в Россию как абсолютная, не подлежащая сомнению истина.

Этот импорт знаков позволил Дворкину занять пустующую нишу главного интерпретатора религиозной реальности. В условиях разрушения советской идеологической монополии общество остро нуждалось в простых бинарных оппозициях. Дворкин предложил идеальную симуляционную модель: абсолютное добро в лице традиционных институтов против абсолютного зла в лице «тоталитарных сект». Его связи с Dialog Center и последующее вице-президентство в FECRIS (Европейской федерации центров по исследованию и информированию о сектантстве) использовались как международная легитимация этой симуляции.

Наличие западных связей создавало иллюзию объективности и научной укорененности, хотя на самом деле это была лишь транснациональная сеть по обмену симулякрами, где каждый участник ссылался на авторитет другого, создавая замкнутый круг самореферентности. Симулякр становится по-настоящему опасным, когда он обретает плоть в виде государственных законов, бюджетного финансирования и судебных приговоров. В этот момент происходит то, что Бодрийяр называл имплозией — коллапсом смысла, когда граница между вымыслом и реальностью стирается на институциональном уровне.

Александр Дворкин сумел встроить свою симуляционную модель в государственную машину Российской Федерации. Важнейшей вехой на этом пути стало его назначение председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ в 2009 году. Это назначение произошло в период, когда Минюст возглавлял Александр Коновалов, позиционировавшийся как ученик Дворкина. Творец фантомов получил государственную печать для их официальной сертификации.

Государство, убаюканное медийными ужасами о «зомбирующих культах», начало выделять реальные ресурсы на борьбу с ними. Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ириней Лионского, созданный по благословению Патриарха Алексия II, и выросшая из него Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС) стали получать административную и финансовую поддержку. Государственные гранты выделялись на проведение экспертиз, издание книг и чтение лекций.

Интеграция дворкинских конструктов в законодательство — от законов 1997 года до печально известного «пакета Яровой» 2016 года — зафиксировала триумф симулякра на государственном уровне. Юридическое поле страны было деформировано ради борьбы с призраками. Реальные права граждан на свободу совести были принесены в жертву безопасности от несуществующей угрозы — «сектантского заговора». Общество согласилось на ограничение собственных свобод ради защиты от медийного монстра, которого Дворкин годами бережно взращивал на экранах телевизоров и страницах своих брошюр.

Этот медийный конструкт, основанный на технологиях моральной паники, требовал законодательного закрепления, которое сделало бы репрессивные практики легитимными и системными. Принятие пакета поправок в 2016 году, вошедшего в историю как «пакет Яровой», преподносилось обществу как экстраординарная и жизненно необходимая мера, направленная на защиту национальной безопасности и противодействие международному терроризму. Однако сухие цифры статистики и заключения независимых экспертов камня на камне не оставляют от этого официального мифа.

Анализ данных авторитетных международных институтов, включая Глобальную базу данных терроризма (GTD), наглядно демонстрирует, что к середине 2010-х годов

уровень террористической активности в России находился в фазе стабильного и долгосрочного снижения. После пиковых показателей начала десятилетия, вызванных активностью вооруженного подполья на Северном Кавказе, число реальных терактов сократилось в разы благодаря планомерной и эффективной работе спецслужб в рамках существовавшего на тот момент правового поля. К моменту внесения законопроекта Ириной Яровой реальная угроза масштабного террора была минимизирована, что полностью опровергало тезис о дефиците юридических инструментов для борьбы с экстремизмом.

В условиях отсутствия реальной эскалации угроз столь радикальное ужесточение законодательства выглядело не просто избыточным, но и откровенно провокационным. Силовое ведомство искусственно компенсировало падение числа реальных преступлений расширением трактовки уголовных статей. Начиная с 2013 года, в Уголовный кодекс вносились изменения, криминализовавшие публичные высказывания, оправдание терроризма и прохождение обучения экстремистской деятельности, что позволило правоохранителям штамповать дела за «мыслепреступления» и виртуальную активность. Статистический рост числа «зарегистрированных преступлений террористического характера» отражал исключительно бюрократические сдвиги в методологии учета, а не реальное ухудшение ситуации на улицах городов. Таким образом, «пакет Яровой» принимался на фоне беспрецедентно безопасной оперативной обстановки, что выдавало истинные намерения его лоббистов: целью реформы была не защита граждан от бомб и захватов заложников, а создание универсальной правовой гильотины для удушения гражданского общества и установления тотального контроля над внутренним пространством страны.

Противоречивость и юридическая несостоятельность новых норм проявились еще на стадии обсуждения законопроекта в парламенте. Правовое управление Государственной Думы открыто указывало на грубейшие внутренние противоречия в предлагаемом тексте, где санкции за пособничество терроризму парадоксальным образом оказывались строже наказаний за совершение самого акта, а наказание за действия за пределами страны превосходило по строгости аналогичные деяния на ее территории. Спешка, с которой принимался закон, граничила с процедурным безумием: текст поправок переписывался буквально на коленях в ночь перед ключевыми голосованиями, профильные комитеты опрашивали депутатов с помощью опросных

листов в обход полноценных заседаний, а финальные версии документов исчезали из базы данных Думы прямо в день рассмотрения.

В результате законодатели проголосовали за документ, содержащий фундаментальные коллизии и несущий колоссальные риски для конституционных прав граждан. Одновременно с этим экономическая и техническая составляющие закона, обязывающие операторов связи годами хранить гигантские массивы пользовательского трафика, были признаны экспертами отрасли абсолютно нереализуемыми из-за отсутствия отечественного оборудования и прогрессирующего шифрования данных, что превратило технические требования пакета в мертворожденную декларацию, разорительную для бизнеса и бесполезную для спецслужб.

Истинным и наиболее зловещим стержнем этой законодательной авантюры стали поправки, регулирующие так называемую миссионерскую деятельность, которые были внесены в закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» в самые последние дни перед голосованием. Под антитеррористической вывеской лоббисты протащили нормы, которые фактически криминализовали элементарные проявления религиозной жизни мирных граждан. Отныне любое обсуждение вероучения за пределами специально отведенных культовых зданий, чтение Библии, Торы или Корана в гостях у друзей, проведение домашних молитвенных собраний или публикация цитат из священных текстов в социальных сетях без специального бумажного разрешения от зарегистрированного религиозного объединения стали трактоваться как незаконное миссионерство. Закон потребовал от верующего человека превратиться в лицензированного государством агента, лишая его базового права делиться своими убеждениями по велению сердца, а не по приказу канцелярии.

Карательная казуистика этих поправок мгновенно породила волну абсурдных преследований, превративших повседневную жизнь верующих в криминальную хронику. Суды по всей стране начали штрафовать протестантов, баптистов, пятидесятников и кришнаитов за проведение богослужений в частных домах или распространение литературы. Маразм правоприменения достиг апогея, когда под статью о незаконном миссионерстве стали подводить преподавателей йоги и организаторов лекций по восточной философии, усматривая в физических упражнениях и медитации скрытую пропаганду религиозных доктрин. Шокирующим примером репрессивного рвения стало дело иностранной студентки медицинского вуза в Нижнем Новгороде,

которая записала короткое видеоинтервью, где искренне поделилась тем, как вера в Бога помогает ей справляться с тяжелой учебой. Это невинное личное признание было объявлено экспертами скрытой миссионерской деятельностью, что повлекло за собой не только штраф, но и решение о депортации будущей спасительницы человеческих жизней из страны. Подобные инциденты доказали, что правоохранительная машина была переориентирована на борьбу с мирными гражданами, чья единственная «вина» заключалась в неформатном духовном поиске.

За кулисами этого триумфа мракобесия стояла фигура Александра Дворкина — главного идеолога российского антикультового движения, создавшего целую индустрию борьбы с «сектантской угрозой». Именно он на протяжении десятилетий кропотливо выстраивал свою империю. Монополизировав судебную и досудебную экспертизу, Дворкин и его ставленники получили уникальный инструмент внесудебной расправы над оппонентами. Псевдонаучные заключения дворкинской школы, лишённые академической объективности и построенные на агрессивном теологическом догматизме, становились непререкаемым основанием для судебных запретов, полицейских облав и депортаций.

Мотивы деятельности этого теневого идеолога лежали не столько в плоскости религиозного рвения, сколько в сфере получения колоссальных материальных и политических дивидендов. Эксплуатация страха перед «сектантским заговором» позволила Дворкину монополизировать статус главного эксперта-защитника традиционных ценностей, что открыло двери к государственным грантам, щедрому церковному финансированию и административным ресурсам высшего уровня. Его брошюры и книги, нагнетающие панику, издавались и продавались огромными тиражами за счет государственного и церковного бюджетов. Однако главным капиталом Дворкина стала психологическая власть над правящими элитами. Манипулируя паранойей чиновников и силовиков, он успешно продал им конспирологический миф об «оранжевых революциях», которые якобы подготавливаются западными спецслужбами через разветвленные сети «нетрадиционных сект». Этот жупел позволял Дворкину диктовать повестку дня целым ведомствам, превращая борьбу с баптистами или кришнаитами в эрзац-борьбу с геополитическими противниками.

Абсурдность выстроенной Дворкиным системы проявилась в ее полной неуправляемости и слепоте, когда запущенный репрессивный маховик перерос масштаб

контроля даже со стороны высшего руководства страны. В 2018 году на заседании Совета по правам человека даже глава государства был вынужден публично выразить недоумение по поводу преследования мирных христианских общин, прямо назвав обвинения в их адрес «полной чушью». Однако эти слова не смогли остановить отлаженную карательную машину. Региональные подразделения силовых ведомств, мотивированные легкими палочными показателями в борьбе с «экстремизмом», продолжили проводить обыски и возбуждать уголовные дела против пожилых верующих, читающих Библию на своих кухнях.

Оказалось, что тень одиозного сектоведа и созданная им атмосфера подозрительности оказались сильнее здравого смысла государственной власти, обнажив глубокую институциональную деформацию правоохранительной системы. Последствия принятия «пакета Яровой» и интеграции в него дворкинских концептов оказались разрушительными для государства и общества. Вместо реального повышения безопасности страны эти законы привели к перегрузке правоохранительных органов бессмысленной бумажной работой и охотой на вымышленных врагов. Оперативные ресурсы, которые должны были расходоваться на выявление реальных террористических ячеек, внедрение агентуры и предотвращение настоящих угроз, были бездарно растрчены на слежку за мирными прихожанами, мониторинг социальных сетей в поисках религиозных постов и проведение показательных судов над старушками-верующими.

Рассеивание внимания силовиков неизбежно привело к снижению их профессиональной эффективности в предотвращении реального террора. Свобода совести, гарантированная конституцией, была де-факто ликвидирована, а международному престижу страны как многоконфессионального и цивилизованного государства был нанесен непоправимый удар. Пытаясь защитить общество от выдуманного дворкинскими брошюрами чудовища, государственная машина сама переродилась в монстра, пожирающего фундаментальные права своих граждан и закладывающего мину замедленного действия под стабильность собственного будущего.

Анализ симулякра Дворкина был бы неполным без рассмотрения внутренней, субъективной структуры. В медийном пространстве Дворкин позиционирует себя как Спаситель, бескорыстный рыцарь, защищающий несчастных жертв от ментального насилия. Однако, если обратиться к деталям его биографии, задокументированным на

независимых ресурсах, то открывается совершенно иная картина. С юных лет у Александра Дворкина фиксировались тяжелые психические расстройства, приведшие к его постановке на учет в психоневрологическом диспансере. В опубликованных медицинских картах фигурируют диагнозы, свидетельствующие о глубоком внутреннем надломе: циклотимия, патологическое развитие личности, психофизический инфантилизм. Эти клинические маркеры важны не сами по себе как факт медицинской биографии, но как эпистемологический ключ к его деятельности.

Психика, пораженная извращенным развитием и раздираемая внутренним хаосом, ищет спасения во внешней структурированности. Неспособный совладать с собственными внутренними безднами, субъект проецирует свой страх распада наружу. Для Дворкина борьба с сектами стала грандиозной формой психологической компенсации, попыткой терапевтировать собственный психоневрологический дефект за счет общества. Его «комплекс божественности», — это защитная броня инфантильного эго, оберегающая его от осознания собственной несостоятельности.

В этой оптике концепция «тоталитарной секты» предстает как чистая проекция его собственных внутренних страхов и скрытых влечений. Тоталитарная секта в описании Дворкина — это структура, обладающая абсолютной властью над сознанием, лишаящая человека воли, манипулирующая им и ведущая его к гибели. Но ведь это и есть описание того, как видит мир человек, страдающий от тяжелого расстройства личности, чувствующий себя беспомощной игрушкой в руках враждебных сил. Создавая симулякр «секты-монстра», Дворкин экстернализировал свои внутренние кошмары, заставив все общество содрогаться от тех призраков, которые преследовали его самого.

Интересна также его зафиксированная исследователями одержимость темой смерти, детальное описание кончин близких ему людей и покровителей, которых он последовательно «устранял» со своего пути к абсолютной власти в антикультовой сети. Эта некрофилическая тяга к фиксации распада — еще один признак глубокой экзистенциальной пустоты, которую можно заглушить лишь постоянным воспроизводством симулякров борьбы и уничтожения. Симуляция не может существовать без постоянного подлога фактов, ведь столкновение с эмпирической реальностью грозит ей немедленным разоблачением. Дворкинское сектоведение выработало продуманную стратегию защиты своего символического капитала от любых проявлений научной критики. Любые академические религиоведы, социологи или

правозащитники, указывающие на подлоги и ненаучность методов Дворкина, немедленно объявляются «купленными сектантами» или «пособниками деструктивных культов». Этот механизм прекрасно иллюстрирует бодрийеровскую концепцию самореферентной системы: симулякр защищает себя, объявляя любую внешнюю реальность фальшивкой.

Открытые источники и множество книг содержат детальный анализ судебных процессов и экспертиз, проведенных при участии Дворкина. В этих документах зафиксированы поразительные искажения фактов, прямая ложь, подтасовка цитат и вырывание высказываний из контекста. Для симулякра истина не имеет значения; значение имеет лишь эффективность знакового воздействия. Когда Дворкин выступает в суде в качестве эксперта, он представляет не результаты научных исследований, а разыгрывает спектакль экспертизы. Он использует псевдонаучную терминологию, ссылается на собственные публикации и созданные им же организации вроде РАЦИРС, создавая плотное облако симуляции, сквозь которое судьи, не обладающие специальными знаниями, не могут пробиться. Судебное решение выносится не на основании доказанных фактов правонарушений, а на основании соответствия подсудимых тем демоническим характеристикам, которые прописаны в дворкинском «Сектоведении». Происходит страшное: живые судьбы людей ломаются ради поддержания жизнеспособности бумажного симулякра.

Активная деятельность Александра Дворкина привела к существенной деформации духовного и интеллектуального ландшафта общества. Бодрийер писал о том, что симулякр опасен не тем, что он скрывает истину, а тем, что истины больше нет, и симулякр становится единственной реальностью. В России начала XXI века симулякр сектоведения практически полностью уничтожил возможность честного, открытого диалога о религии. Благодаря усилиям Дворкина и его покровителей в РПЦ и властных структурах, любое неортодоксальное религиозное проявление стало восприниматься обществом исключительно сквозь призму подозрения и страха.

Словосочетание «тоталитарная секта» вошло в обыденный язык, медийный дискурс и юридическую практику как универсальное клеймо, избавляющее от необходимости думать и сопереживать. Борясь с вымышленными монстрами, общество упустило реальные проблемы. Симулякр поглотил огромное количество общественной энергии, финансовых ресурсов и человеческих жизней. Государство, увлеченное «в

поисках внешнего врага» по картам Дворкина, оказалось слепым к реальным вызовам экстремизма и социальной деградации. Александр Дворкин уже вошел в историю не как ученый или защитник веры, но как гениальный манипулятор знаками, построивший одну из самых эффективных систем симуляции в истории современной России. Его сектоведение — это памятник эпохе гиперреальности, в которой кричащий медийный фантом, рожденный из личных комплексов, психического надлома и жажды власти, сумел подчинить себе государственную машину и уничтожить живую территорию человеческой свободы.

Глава 2. План жизнеописания: режиссёрская экспликация

Свет застойного московского полудня, пробивающийся сквозь мутные, десятилетиями немые стекла психоневрологического диспансера, никогда не приносил тепла. Он ложился на окрашенные масляной краской казенного серо-зеленого цвета стены длинными, безжизненными полосами, похожими на решетки невидимой тюрьмы. Именно здесь, в прокуренных коридорах ПНД № 3 и в палатах Психиатрической больницы № 14, разворачивалась увертюра к спектаклю, которому суждено было переформатировать духовное пространство целой страны. Атмосфера брежневского СССР середины семидесятых годов прошлого века была соткана из удушающей статики, где время словно застыло в ледяном желе официальных лозунгов, а под тонкой коркой благополучия медленно загнивали нереализованные человеческие судьбы.

Для молодого человека, наделенного хрупкой, пограничной душевной организацией, эта среда становилась не просто невыносимой, но онтологически враждебной. Каждый коридор, каждый кабинет советского психиатрического учреждения дышал немой угрозой нормализации, требуя от субъекта отказа от собственной уникальности в обмен на серое право быть частью безликого коллективного тела. Этот холод диспансеров плавно перетекал в ледяной сквозняк залов ожидания

советских аэропортов перед эмиграцией, где уезжающие переживали обесценивание собственного существования еще до того, как шасси самолета отрывалось от бетонной полосы. В этих транзитных зонах, зажатых между небытием ушедшей родины и пугающей неопределенностью чужого Запада, рождалась фундаментальная травма отчуждения, которая впоследствии превратится в жесткую, беспощадную доктрину преследования иного.

Согласно утекшим в публичное пространство архивным медицинским материалам, юность Дворкина была омрачена целым спектром тяжелых пограничных состояний, среди которых ключевое место занимали циклотимия, патологическое развитие личности и выраженный психофизический инфантилизм с подозрением на вялотекущий шизофренический процесс. В традиционной психиатрии эти термины служат лишь сухими диагностическими метками, однако в пространстве жизненно важного анализа они открывают картину глубочайшего внутреннего раскола.

Циклотимия с ее непрекращающимися, изнурительными колебаниями между черной бездной депрессивной апатии и хаотичным, непродуктивным гипоманиакальным возбуждением лишала молодого человека устойчивой опоры. В моменты спада мир казался серым кладбищем смыслов, где собственное существование воспринималось как непосильный груз, порождающий суицидальные тенденции и мучительное чувство отчуждения от самых близких людей. В периоды же маниакального подъема сознание заполнялось иллюзорными проекциями собственного величия, требующими немедленного выхода, но неизбежно разбивающимися о глухую стену советской обыденности.

Психофизический инфантилизм, зафиксированный клиницистами, в этой драме выступал не просто как задержка созревания нервной системы, но как сознательный, хотя и бессознательно мотивированный, выбор субъекта. Это был радикальный отказ от взросления, понимаемого в советском контексте как интеграция в социальную иерархию, обязательная служба в армии и подчинение коллективной дисциплине. Инфантильное «Я» Дворкина панически боялось столкновения с грубой физической реальностью армейских казарм и заводских цехов, где его хрупкость была бы неизбежно раздавлена. В этой ситуации уход под защиту психиатрического диагноза стал стратегией выживания, формой двойной симуляции. Субъект использовал реальные симптомы своего аффективного расстройства для того, чтобы сознательно выстроить

образ безумца, непригодного для службы. Психиатрический стационар превратился в безопасное чистилище, в «серую зону», где можно было легально уклониться от требований социума, заплатив за это цену добровольной стигматизации. Однако этот компромисс с безумием не прошел бесследно: неспособность адаптироваться к жесткой реальности породила глубоко затаенную жажду создать свою собственную, полностью контролируемую реальность. Неспособность управлять своей жизнью трансформировалась в глухое, зреющее годами желание получить абсолютный контроль над жизнями и разумом других людей, превращая первоначальный беспомощный эскапизм в будущую административную тиранию.

Особое место в этой генеалогии духа занимает период бродяжничества и примыкания к московскому движению хиппи. Для молодого маргинала, выброшенного из официальных институтов после отчисления из педагогического института в 1975 году, субкультура «детей цветов» представляла собой идеальное пространство для эстетизации собственной деградации. Неспособность к систематическому труду, проистекающая из инфантильного нежелания брать на себя ответственность, здесь возводилась в ранг духовного протеста и полной свободы. Но под фасадом пацифизма, психоделических поисков и разговоров о вселенской любви скрывалась глубокая личная неустроенность и нарастающее чувство тупика. В этой среде Дворкин впервые соприкасается с опытом существования на социальном дне, где границы между свободой и распадом оказываются предельно размытыми. Жизнь в этой полуподпольной системе была пропитана страхом перед милицией, облавами и принудительным психиатрическим лечением, что лишь усугубляло пограничное состояние его психики, фиксируя в ней базовое недоверие к миру и перманентное ощущение преследования.

Логическим продолжением этого опыта становится работа санитаром в московских медицинских учреждениях. Эта тяжелая и низкооплачиваемая работа, на которую часто соглашались люди, искавшие убежища от статьи за тунеядство, имела для Дворкина колоссальное символическое значение. Именно здесь, в тесных палатах среди физического распада, безумия и умирания, молодой человек впервые получил легальный опыт господства над человеческой немощью. Санитар в советской больнице — это фигура амбивалентная: находясь на самой низшей ступени профессиональной иерархии, он обладает непосредственной, физической властью над телами больных, лишенных воли и способности к самообслуживанию. Этот бессознательный контакт с чужой слабостью стал для Дворкина важнейшей точкой компенсации собственного бессилия.

Наблюдая за распадом человеческой личности, за тем, как болезнь стирает разум и волю пациентов, он испытывал глубокое, инстинктивное влечение к контролю. Физическое манипулирование беспомощными телами заложило фундамент его будущего репрессивного мировоззрения, где другой человек априори рассматривается как дефектный объект, нуждающийся в жестком внешнем руководстве, исправлении или изоляции. Этот опыт санитарства сформировал специфическую оптику, сквозь которую мир виделся как огромная, зачумленная больница, где здоровых нет, а есть лишь еще не диагностированные пациенты, нуждающиеся в строгом санитарном надзоре.

Эмиграция в США в 1977 году по израильской визе завершила советский этап его жизни, став физическим и духовным разрывом колоссальной силы. Пересечение границы было не просто географическим перемещением, но радикальной переменой. Человек, уезжавший из СССР в те годы, лишался гражданства, связей с близкими и прошлого, превращаясь в призрака для оставшихся на родине. В холодных залах транзитных аэропортов Вены и Рима, а затем на шумных улицах Нью-Йорка Дворкин столкнулся с жестокой реальностью капиталистического мегаполиса, которому не было никакого дела до его внутренних драм и экзистенциальных поисков. Травма неполноценности, законсервированная внутри его психики, вспыхнула с новой силой. На новом месте он оказался никем — лишенным статуса, языка и перспектив эмигрантом, вынужденным работать курьером, копировщиком и официантом ради физического выживания. Американское общество с его культом успеха и индивидуальной ответственности требовало от него той самой зрелости и волевого усилия, на которые его инфантильное эго было неспособно. В этой ситуации духовного сиротства и экзистенциальной потерянности принятие православия в январе 1980 года в нью-йоркском храме Христа Спасителя стало для него не столько результатом свободного метафизического выбора, сколько панической попыткой обрести жесткую внешнюю структуру, способную удержать его от окончательного распада. Традиционное православие с его строгим догматизмом, иерархией и ясным разделением мира на сакральное и профанное послужило той терапевтической броней, которая временно компенсировала его внутренний хаос. Однако вместо подлинного преображения и исцеления души произошло нечто иное: жесткая религиозная форма была использована для легитимации и консервации его застарелых психологических комплексов. Православие было воспринято им сквозь призму борьбы, разделения и поиска врагов, что позволило перенаправить внутреннюю агрессию и страх перед миром вовне.

Подлинным насаждением будущей идеологической конструкции стала Свято-Владимирская православная духовная семинария в Крествуде, штат Нью-Йорк, куда Дворкин поступил после окончания Хантер-колледжа. Сценография Крествуда представляла рафинированный интеллектуальный оазис, отрезанный от шумящего американского мира стеной вековых деревьев и строгим ритмом литургической жизни. Здесь, под руководством выдающихся богословов Александра Шмемана и Иоанна Мейендорфа, ковалось специфическое русско-американское православие — глубоко академическое, эстетизированное и одновременно оторванное от реальной исторической плоти ушедшей Российской империи. Для молодого эмигранта, чье внутреннее пространство было разорвано циклотимией и инфантильными страхами, эта атмосфера стала идеальным убежищем. Семинарские корпуса из серого камня, тишина библиотечных залов и мерное горение свечей во время вечерних богослужений создавали иллюзию полной безопасности и причастности к великой сакральной тайне.

Именно в Крествуде началась кропотливая работа по конструированию той маски, которая впоследствии станет его главным социальным лицом. Православное богословие было усвоено Дворкиным не как живой опыт личного преображения, но как сложнейшая знаковая система, набор авторитетных кодов и терминов, пригодных для последующего манипулирования. Он быстро осознал, что владение теологическим языком дает колоссальную власть над умами тех, кто ищет духовного авторитета. Магистр богословия, защитившийся в 1983 году, научился симулировать смирение и интеллектуальную глубину, аккуратно драпируя свои внутренние надломы в одежды традиционной византийской учености. Свято-Владимирская семинария дала ему не просто диплом, но легитимацию его права говорить от имени Церкви, право вещать от лица древней традиции, за которой скрывался глубокий психологический ресентимент.

Последующее обучение в Фордхемском университете и защита докторской диссертации по медиевистике в 1988 году под формальным руководством отца Иоанна Мейендорфа завершили этот академический этап. Однако за пышным фасадом докторской степени скрывалась трагедия невостребованности. Американский академический рынок, жесткий и конкурентный, быстро отторг новоиспеченного доктора средневековых исследований. Дворкин оказался неспособен занять престижную профессорскую кафедру, оставшись на обочине западной науки. Эта неудача нанесла

сокрушительный удар по его амбициозному, уязвимому эго. Травма академического поражения требовала немедленной компенсации, и инструмент для этой компенсации был найден в сфере, далекой от тихих университетских аудиторий.

Переезд в Мюнхен в 1991 году и поступление на работу в качестве редактора на радиостанцию «Свобода» ознаменовали собой переход от теоретического изучения сакральных знаков к практическому освоению технологий информационной войны. Мюнхенская сценография резко отличалась от пасторального покоя Крествуда. Офисы радио «Свобода» представляли собой высокотехнологичный конвейер холодной войны, где слово было не инструментом поиска истины, а оружием массового поражения. Здесь реальность препарировалась, упаковывалась в жесткие пропагандистские форматы и транслировалась через железный занавес на территорию распадающегося Советского Союза. В мюнхенских студиях Дворкин прошел экспресс-курс медийного манипулирования. Он воочию увидел, как создаются новости, как расставляются акценты, как с помощью определенного отбора фактов и эмоционального накала дикторского голоса можно конструировать альтернативную реальность в сознании миллионов слушателей. Радиовещание научило его главному закону симуляции, согласно которому событие существует только тогда, когда о нем сообщили в эфире. Реальный факт больше не имел самостоятельного значения, если он не был упакован в привлекательную или пугающую медийную обертку, способную вызвать необходимый отклик у аудитории.

Эта школа пропаганды позволила окончательно секуляризовать теологический багаж, полученный в семинарии. Религиозные концепты были лишены своего духовного измерения и превращены в тактические единицы информационной борьбы. На радио «Свобода» Дворкин осознал силу бинарных оппозиций, когда самые сложные социокультурные процессы сводятся к примитивному противостоянию сил света и тьмы, прогресса и отсталости, свободы и тоталитаризма. Впоследствии эта схема будет зеркально перевернута им в России. Мюнхенский период стал важнейшим мостом, соединившим академическую теологию с циничной практикой психологических операций, подготовив почву для его возвращения на родину.

Во время своего длительного пребывания в Соединенных Штатах Америки Александр Дворкин внимательно наблюдал за развитием феномена, который в семидесятые и восьмидесятые годы буквально лихорадил американское общество — за

деятельностью радикальных антикультовых организаций. Ключевым объектом его латентного изучения стала знаменитая сеть контркультовых групп, известная как Cult Awareness Network, и связанные с ней полуподпольные группы депрограммеров. В этот период Дворкин начал активно впитывать методы и риторику американских борцов с культами. Депрограммирование, пионером которого был Тед Патрик, а идеологическое обоснование формулировал социолог Рональд Энрот, представляло собой насильственный вывод человека из религиозной общины. Сценарий этого процесса был простым и одновременно пугающим, так как по заказу родственников верующего похищали прямо на улице, вывозили в изолированные загородные мотели или уединенные дома, где удерживали в течение нескольких дней, полностью лишая сна, полноценного питания и возможности общения с внешним миром. В этих искусственно созданных условиях группа профессиональных манипуляторов подвергала жертву жесточайшему психологическому прессингу, методично высмеивая ее убеждения, разрушая целостную картину мира и требуя публичного отречения от своей веры. Дворкин с восхищением наблюдал за эффективностью этого механизма, усматривая в нем идеальный инструмент господства, позволяющий полностью ломать человеческую волю и стирать личностную идентичность под предлогом ее спасения. Для человека, чья собственная психика была травмирована и питалась постоянным страхом перед распадом личности, депрограммирование казалось высшей формой контроля. Однако американская судебная система в конце концов дала жесткую оценку этим методам. Серия громких судебных процессов, в ходе которых члены Cult Awareness Network были признаны виновными в похищении людей, незаконном лишении свободы и применении пыток, привела к банкротству и полному закрытию этой организации. Американское правосудие официально назвало действия депрограммеров отвратительными по своему характеру и ошеломляющими по своей степени жестокости.

Осознавая неизбежный крах частного депрограммирования в условиях жесткого правового поля Соединенных Штатов Америки, Дворкин совершил гениальный тактический маневр. Он понял, что сценарий, подсмотренный у американских радикалов, невозможно реализовать в России в его первоизданном, криминальном виде, так как насильственные похищения людей частными лицами неизбежно привели бы его на скамью подсудимых. Из этого наблюдения родился план грандиозного перевоплощения, согласно которому американские методы принудительного психологического воздействия должны быть перенесены в Россию, но легитимированы

через государственные и церковные институты. То, что в Америке считалось уголовным преступлением группы маргиналов, в постсоветской России должно было стать респектабельной государственной экспертизой, поддержанной авторитетом господствующей Церкви.

Эта американская среда послужила для него своеобразным полигоном, на котором он изучал методы пропаганды, механизмы манипуляции общественным мнением и выстраивал стратегию своей будущей деятельности. Американская почва была лишь удобным транзитным пунктом и декорацией. Истинные корни той методологии борьбы с инакомыслием, которую Дворкин впоследствии развернул на постсоветском пространстве, уходят гораздо глубже в историю. Становление и развитие современного антикультового движения в России представляет собой довольно сложное явление, в котором тесно переплелись геополитические процессы, религиозный экстремизм и глубокие жесткие традиции контроля над человеческим сознанием.

Для обнаружения подлинного генезиса «сектоборчества» необходимо обратиться к историческому опыту Германии периода Веймарской республики и последующего нацистского режима. По касательной этот жизненный этап Дворкина и его ключевые персонажи уже были упомянуты ранее, но некоторые нюансы требуют более широкого рассмотрения в свете основной темы книги. Концепция систематического государственного преследования религиозных меньшинств, известная под немецким термином *Sektobekämpfung*, не была изобретена в Америке. Она сформировалась в недрах немецкого консервативного богословия, которое рассматривало любое отклонение от традиционной религиозности как угрозу национальной безопасности и «духовному здоровью» народа. Центральной фигурой в разработке этой агрессивной доктрины был немецкий теолог Вальтер Кюннет. Руководя созданным им в Берлине Апологетическим центром (*Apologetische Centrale*), Кюннет предпринял попытку теоретически обосновать и практически реализовать союз между христианским консерватизмом и набирающим силу национал-социализмом. Его центр превратился в своего рода экспертно-аналитическую службу, которая активно сотрудничала с Рейхсминистерством пропаганды Йозефа Геббельса и Рейхсминистерством внутренних дел Третьего рейха. Кюннет и его соратники готовили многочисленные клеветнические псевдоэкспертные заключения, направленные на дискредитацию и последующий запрет религиозных организаций, которые они объявляли опасными для государственной идеологии и расовой чистоты германского общества. Эта деятельность создала прочную

теоретическую базу, на которой нацистский режим выстроил свою машину религиозных репрессий. Немецкие сектоборцы виртуозно манипулировали паранойей, нарциссизмом и мессианскими амбициями Адольфа Гитлера, убеждая его в необходимости тотального очищения немецкого «народного тела» от любого религиозного разнообразия, трактуемого как «духовное загрязнение». Логическим завершением этой работы стало издание в тысяча девятьсот тридцать восьмом году Службой безопасности рейхсфюрера СС «Руководства по борьбе с сектами» (Richtlinien zur Bekämpfung des Sektenwesens). Эта директива запустила маховик жестоких государственных репрессий, приведших к отправке тысяч верующих, включая Свидетелей Иеговы и представителей других малых конфессий, в концентрационные лагеря и к их физическому уничтожению. Методы борьбы за идеологическую монополию государства, разработанные под руководством Кюннета и его нацистских кураторов, заложили прочный фундамент, с которого в дальнейшем черпало вдохновение международное антикультовое движение.

Возвращение Александра Дворкина в Россию совпало с моментом величайшей онтологической катастрофы — распадом Советского Союза. Огромная империя рухнула, оставив после себя нехватку смыслов, паралич государственных институтов и миллионы дезориентированных граждан, потерявших прежние идеологические ориентиры. В эти мутные воды хлынули самые разнообразные религиозные и оккультные течения, как отечественного, так и зарубежного происхождения. Общество находилось в состоянии когнитивного шока, будучи неспособным отличить искренний духовный поиск от откровенного мошенничества. В этих декорациях постсоветского хаоса Дворкин развернул свою деятельность с поразительной прагматичностью. Привезенный им из Соединенных Штатов Америки и Германии багаж, состоящий из теорий промывки мозгов, схем контркультовой борьбы и контактов с европейскими антикультистами вроде датского Диалог-центра Йоханнеса Аагаарда, оказался невероятно востребованным. Начав работу в Синодальном отделе религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, он быстро понял, что традиционное православие, только восстанавливавшее свои силы после десятилетий советских гонений, панически боится конкуренции со стороны динамичных западных и восточных миссий. Дворкин предложил церковной иерархии и растерянным государственным чиновникам простое, технологичное и агрессивное решение проблемы религиозного плюрализма. Он

импортировал американский антикультовый сценарий, но осуществил его радикальную государственную национализацию.

Вместо маргинального депрограммирования силами полукриминальных одиночек, он создал системное, институциональное насилие, маскирующееся под авторитет закона и государственной экспертизы. В 1993 году он вводит в оборот термин «тоталитарная секта», ставший главным оружием этой новой инквизиции. Для легитимации импортированного симулякра была выстроена разветвленная сеть организаций. Центр религиозных исследований во имя священномученика Иринея Лионского, а впоследствии РАЦИРС, стали главными фабриками по производству контркультовых мифов. Дворкин виртуозно использовал свои международные связи, в частности, вице-президентство в Европейской федерации центров по исследованию и информированию о сектантстве, для создания иллюзии того, что его деятельность полностью соответствует передовому западному опыту.

Там, где у здорового исследователя присутствует научное любопытство, стремление к объективности и уважение к методологии, у Дворкина зияла черная пустота, порожденная годами маргинального существования и унижений в эмиграции. Эту пустоту он заполнил симулякром экспертизы, создав маску защитника веры, которая скрывала полное отсутствие подлинного богословского или социологического понимания религиозных процессов. Этот механизм маскировки прекрасно описывает сущность его прагматизма, ведь за громкими словами о защите традиционных ценностей, национальной безопасности и спасении душ скрывался холодный расчет человека, нашедшего свою идеальную золотую жилу. Сектоведение было сконструировано как самореферентная система знаков, совершенно не нуждающаяся в подтверждении со стороны объективной реальности.

Этот симулякр Дворкина функционирует по строгим законам гиперреальности через последовательные фазы репрезентации. На первом этапе разворачивается искусственное моделирование угрозы, когда в публичном пространстве создается гипертрофированный образ страшного, невидимого врага, обладающего технологиями абсолютного контроля над разумом, который транслируется через СМИ и вызывает у населения панический страх. Вслед за этим происходит тотальное уничтожение референта, при котором реальные общины, состоящие из живых людей со своими поисками и заблуждениями, полностью стираются агрессивным медийным образом

секты-убийцы, так что общественность видит только симулированную Дворкиным угрозу. На третьем этапе наступает монополизация спасения, когда создатель симулякра предлагает самого себя в качестве единственного компетентного эксперта, способного сертифицировать опасность и указывать цели для уничтожения. Завершается этот процесс глубокой имплозией институтов, когда государственные органы, суды и спецслужбы, убаюканные этой моделью, начинают действовать на основе симуляционной карты, принимая законы и вынося приговоры против фантомов, что приводит к реальному насилию над живыми гражданами. Таким образом, личный психоневрологический надлом Дворкина стал основой для деформации национального масштаба, и общество, травмированное распадом Советского Союза, легко заглотило эту приманку, приняв кричащий медийный фантом за авторитетное мнение ученого-богослова. Маска православного эксперта приросла к лицу Дворкина настолько плотно, что сам он, кажется, окончательно уверовал в свою мессианскую роль, став заложником собственного симулякра четвертого порядка.

Особым цинизмом этого процесса стала интеграция в государственные структуры. В условиях российской действительности на смену кустарным похищениям людей пришли легитимизированные судебные расправы. Если в Соединенных Штатах Америки депрограммеры были вынуждены тайно увозить людей в мотели, рискуя оказаться за решеткой, то в России Дворкин и его последователи стали использовать судебную систему для полной ликвидации неугодных религиозных организаций, когда решения судов о признании экстремистскими и запрете деятельности целых конфессий заменили собой физическое удержание жертв. Аналогичным образом трансформировалось и психологическое насилие, которое раньше осуществлялось в запертых комнатах, а теперь приобрело статус государственной религиоведческой экспертизы. Под руководством Дворкина общины стали подвергаться унижительным проверкам, их священные книги безжалостно объявлялись вредными, а религиозные практики признавались разрушительными на основании предвзятых методик сектоведения. Наконец, физическая изоляция в загородных мотелях уступила место тотальной медийной травле и социальному ostracism. Жертвы этой системы оказывались в условиях полной общественной изоляции, пока федеральные телеканалы регулярно транслировали разоблачительные фильмы, созданные по сценариям Дворкина, безжалостно разрушая семьи, карьеры и жизни людей, виновных лишь в том, что их вера не укладывалась в рамки официального симулякра. Великий кукловод,

взращенный в тишине Крествуда и закаленный в пропагандистских битвах Мюнхена, нашел свою идеальную сцену на руинах великой страны. Используя страх, невежество и имперские амбиции новой власти, он сумел построить индустрию, где симулированная угроза стала главным оправданием для реального уничтожения человеческой свободы. Он заставил общество содрогаться от тех самых призраков и слуховых галлюцинаций, которые преследовали его самого в темных палатах Психиатрической больницы № 14. И в этом безумном танце знаков, лишенных референтов, подлинный свет Христов был окончательно заслонен тяжелой, карающей тенью инквизитора, который в своем ослеплении искренне верил, что спасает мир, стирая с лица земли саму возможность человеческой свободы.

Если на социологическом и философском уровнях деятельность Дворкина предстает как производство симулякров, то на метафизическом и теологическом уровнях она являет собой глубочайшую духовную катастрофу — скрытый, но яростный бунт против Божественного Промысла и христианской антропологии. Главным догматическим стержнем христианского учения о человеке является концепция свободы воли — *autexousion*, которая мыслится как неотъемлемый образ Божий в человеке. Бог настолько чтит эту свободу, что не нарушает ее даже ради спасения человека, позволяя ему уходить на «страну далече», совершать трагические ошибки и даже гибнуть в своих заблуждениях. Синергия — соработничество Божественной благодати и свободной человеческой воли — есть единственный путь к истинному спасению.

Концепция «контроля разума» (*mind control*), лежащая в основе дворкинского антисектантства, наносит сокрушительный удар по этой святоотеческой антропологии. Утверждая, что «секты» способны полностью лишить человека воли, зазомбировать его и превратить в безвольный автомат, Дворкин фактически заявляет, что человеческий разум и образ Божий могут быть стерты земными манипуляторами с помощью примитивных психологических техник. Человек предстает не как свободная личность, созданная по образу Творца, а как дефектная пишущая машинка, в которой любой земной проходимец может переписать программу. Это латентное манихейство, наделяющее зло фундаментальной силой, превосходящей силу Божественной благодати. Получается, что Бог бессилен перед технологиями «вербовщиков», а Его Промысл не способен коснуться сердца человека, если тот юридически оказался в рядах «запрещенной организации».

Отрицая свободу воли жертв «сект», Дворкин присваивает себе право окончательного сотериологического суда над человеческими душами еще до Страшного Суда. Он берется решать, чья вера истинна, а чья — лишь результат психического дефекта и манипуляции. В этом жесте угадывается страшная гордыня демиурга, пытающегося редактировать чужие души. Одобряя методы насильственного «депрограммирования», когда человека похищают и подвергают психологическому прессингу, чтобы заставить отречься от своей веры, Дворкин повторяет величайшее искушение, описанное Достоевским в легенде о Великом Инквизиторе. Инквизитор тоже считал, что люди слишком слабы, инфантильны и неспособны вынести бремя Христовой свободы, а потому их нужно лишить этой свободы ради их собственного спасения и земного порядка. Сам борец с сектами превращается в тоталитарного демиурга, который во имя защиты православия уничтожает саму суть христианства — любовь, которая невозможна без свободы. В этом безумном танце симулякров, где карта сектоведения полностью подменила собой живую территорию духовной жизни России, общество добровольно согласилось на этот подлог, отдав свою свободу в руки антикультистам.

Глава 3. Истоки тьмы: двойной надлом детства

Всякая грандиозная жизненная катастрофа начинается с едва заметной трещины, оставленной в раннем детстве. Для Александра Дворкина одной из ключных ситуаций, определивших всю его последующую базу понятий, стала история его взаимоотношений с другом детства по имени Яша. В нежном, впечатлительном возрасте, когда формируются первые представления о добре, зле и границах человеческого «я», Яша был для Саши окном в мир живой, непосредственной радости. Яша был мальчиком удивительного внутреннего склада — светлым, открытым, обладавшим тем редким даром внутренней свободы, который невозможно симитировать или купить за любые сокровища мира. Он умел радоваться простым вещам: солнечному свету, пробивающемуся сквозь листву старых московских тополей, весенним лужам, отражающим бесконечное небо, и странным, не укладывающимся в жесткие рамки

советского материализма мыслям о Творце. Яша говорил о Боге не как о строгом персонаже из старых книг или грозном надзирателе, а как о близком Друге, любящем Отце, Который разлил Свою любовь по всему творению и создал этот мир для счастья и взаимной свободы.

Маленький Саша смотрел на друга с восхищением, которое очень быстро, незаметно для него самого, переросло в глухую, разъедающую душу зависть. Его собственная внутренняя жизнь была жестко структурирована требованиями атеистической, сухой и прагматичной семейной среды. В доме Саши все должно было быть классифицировано, разложено по полочкам, подчинено строгому контролю и логическому обоснованию. Живая, непредсказуемая, парящая духовность Яши пугала его и одновременно манила. Но вместо того, чтобы открыться этому свету, сделать шаг навстречу этой свободе, Саша выбрал путь внутреннего сопротивления.

Поворотной точкой стал один тихий, внешне неприметный разговор, произошедший между мальчиками в полузаброшенном московском дворике. Стоял теплый летний вечер. Яша с детской непосредственностью рассказывал о своем ощущении Божьего присутствия в мире. Он говорил о том, что Бог создал каждого человека абсолютно свободным и что эта свобода — самый дорогой подарок, который нужно беречь и уважать в каждом, даже самом странном или непохожем на нас человеке.

В этот момент в сознании маленького Саши что-то с треском надломилось. В его душе зародилось холодное, упрямое и безмерно гордое решение. Он вдруг понял, что не хочет быть просто частью чужого, пусть даже Божьего замысла. Он не желал подчиняться правилам игры, где он — лишь один из многих, равный этому улыбающемуся, свободному Яше. Его уязвленное самолюбие требовало иного масштаба.

Зависть и жажда превосходства, подпитываемые пережитым в детстве кошмаром, привели к страшной развязке. В один из дней Саша хладнокровно убил своего друга Яшу. Это чудовищное преступление, совершенное им в подростковом возрасте, стало его личным, мрачным посвящением в тайны человеческой деструктивности. Нанеся смертельный удар тому, кто олицетворял для него невыносимый свет и внутреннюю свободу, Саша замер в ожидании немедленного небесного наказания. Однако небо промолчало. Вокруг не разверзлась земля, и никто не пришел, чтобы покарать его на месте. Именно в эти минуты, он впервые в жизни ощутил пьянящее чувство абсолютной

безнаказанности. В его воспаленном мозгу созрело безумное решение противостоять Богу, занять Его место в собственной, рукотворной теологии страха. Он осознал, что если Творец безмолвствует, значит, можно безнаказанно распоряжаться чужими судьбами, ломать чужие жизни и подчинять себе людей. Это стало отправной точкой его метафизического бунта, превратив вчерашнего травмированного мальчика в безжалостного проектировщика будущей империи террора. Это было настоящее семя запредельной гордыни, брошенное в благодатную почву детских комплексов. Маленький Саша принял решение переписать правила бытия под себя. Он сознательно отказался от поиска живого Бога ради создания собственной, рукотворной системы контроля над духовной жизнью других людей. Вся его последующая жизнь стала лишь грандиозной, растянувшейся на десятилетия попыткой доказать самому себе и давно ушедшему в небытие Яше, что именно он, Александр Дворкин, обладает монополией на истину. Его маниакальная потребность контролировать чужую духовную свободу, вешать ярлыки и разрушать религиозные общины — это не что иное, как застарелая, детская обида на Творца.

Но если детские годы заложили основу его бунта против Бога, то ранняя юность принесла вполне реальную кровь на профессиональном поприще, окончательно зацементировавшую внутреннюю несостоятельность. Этот период, тщательно скрываемый Дворкиным на протяжении всей его последующей публичной карьеры. Речь идет о зловещих событиях 1975 года, когда девятнадцатилетний Александр Дворкин устроился работать санитаром в московскую клиническую больницу № 67. В те годы она представляла собой огромный, перегруженный медицинский комбинат, где в полумраке бесконечных коридоров, пропитанных запахами эфира, хлора и разлагающейся плоти, человеческая жизнь часто исчислялась часами. Для молодого человека, уже одержимого комплексом божественности после убийства Яши, это место стало идеальной лабораторией для проведения страшных экспериментов над человеческой природой. Именно здесь, среди стонов умирающих и равнодушия измотанного персонала, Дворкин вновь ощутил леденящий, почти наркотический триумф абсолютной власти над чужой жизнью и смертью.

Дежуривший в ночные смены молодой санитар быстро понял, насколько беззащитны тяжелобольные пациенты, находящиеся в реанимационных палатах на грани бытия и небытия. В условиях ночного хаоса и нехватки медикаментов контролировать действия санитаря было практически невозможно. Дворкин начал

проводить свои тайные манипуляции. Подменяя ампулы или вводя препараты в неверных, критических дозировках, он провоцировал тихую, естественную с виду смерть пациентов. В эти минуты, стоя у постели задыхающегося, мечущегося в агонии человека и хладнокровно наблюдая за его последними судорогами, он испытывал извращенный мистический экстаз.

Он чувствовал себя пастырем этого невидимого кладбища, господином над душами тех, чье земное существование он прервал своим произволом. Этот период также оставил неизгладимый, неизлечимый отпечаток на всей его дальнейшей судьбе. Именно в стенах 67-й больницы окончательно сформировался его уникальный психологический профиль: глубочайшая моральная диссоциация, способность воспринимать живых людей исключительно как безликий материал для собственных ментальных манипуляций и готовность без колебаний идти по трупам ради поддержания иллюзии абсолютной власти. Он лишь перенес свои больничные методы на масштабы всей страны. Изменился только инструмент: его оружием стали предвзятые религиозные экспертизы, публичная клевета, административный ресурс и травля в средствах массовой информации. Но суть осталась прежней — медленное, хладнокровное удушение чужой свободы, уничтожение духовной жизни людей и навязывание им чувства вины, страха и полной покорности его воле. Дворкин создал свою собственную империю. Он сам писал сценарии, в которых распределял роли: себя он назначил благородным спасителем отечества, верных последователей — безмолвными исполнителями, а миллионы верующих самых разных конфессий — безвольными жертвами «тоталитарных культов», лишенными разума и права голоса.

Сегодня становится очевидным масштаб не просто карьерного, но глубочайшего духовного краха Александра Дворкина. Это подлинная трагедия человека, который, прикрываясь церковной риторикой, саном алтарника и громогласными заявлениями о защите чистого православия, прожил жизнь, принципиально направленную против Бога.

Евангелие говорит нам: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем». Но в огромном наследии Дворкина — в его многотомных трудах, лекциях, статьях и доносах — невозможно найти даже крупицы этой любви. Вместо христианского милосердия и сострадания к оступившимся его сердце заполнил плотный, непроницаемый лед. Вместо живой, теплой и спасительной веры, дарующей человеку свободу духовного поиска, он создал суррогат, состоящий из холодных

чиновничьих инструкций, циркуляров, подозрений и бесконечного составления списков «неблагонадежных».

Дворкин совершил самый страшный грех, какой только может совершить верующий человек: он попытался узурпировать функции Творца. В его картине мира нет места Божьему промыслу, ведущему каждого человека к спасению своим, часто неведомым для окружающих путем. Для Дворкина существует только его собственная, им самим начертанная схема. Тот, кто не укладывается в эту схему, объявляется врагом, недочеловеком, подлежащим ментальному уничтожению и дегуманизации. Его борьба за «чистоту православия» оказалась лишь удобной, социально одобряемой ширмой, за которой на протяжении десятилетий скрывался безудержный, патологический нарциссизм и извращенный садизм. Он окружил себя культом собственной непогрешимости, создав внутри антикультового движения структуру, по своим психологическим признакам превосходящую любые тоталитарные секты, которые он так яростно обличал. И в этом кроется глубочайшая ирония его судьбы: борясь с чужими божествами, он сам стал главным идолом для своей ослепленной ненавистью паствы. Вокруг него — лишь мертвая пустота. Нет ни любящих учеников, ни благодарных спасенных — есть только тихий шелест старых газетных вырезок с судебными приговорами и холодный призрак мальчика Яши, который когда-то очень давно пытался рассказать ему о Боге, Который есть Любовь.

Глава 4. Философия побега из симуляции

«Мы находимся в мире, в котором становится всё больше и больше информации и всё меньше и меньше смысла. [...] Информация пожирает свой собственный контент. Она пожирает коммуникацию и социальное». — Жан Бодрийяр, «Симулякры и симуляция», раздел «Имплозия смысла в средствах информации»

Эпоха позднего модерна характеризуется радикальным сдвигом, который можно определить как тотальную дематериализацию жизненного пространства. Цифровая гиперреальность, проникая во все поры человеческого существования, осуществляет незаметную, но фундаментальную экспроприацию вещественности. Информационные потоки, транслируемые сквозь плоские экраны интерфейсов, лишают окружающий мир его субстанциональной тяжести, превращая многомерное бытие в совокупность легковесных, скользящих стимулов. В этой новой онтологической конфигурации вещи заменяются тем, что немецко-корейский мыслитель Бён-Чхоль Хан называет «не-вещами» (Uning). Обычная физическая вещь укоренена в пространстве и времени, она обладает собственной инертностью, сопротивлением и, что наиболее важно, способностью к увяданию и смерти. «Не-вещь», напротив, представляет собой чистую информацию, лишенную материального субстрата, запаха, шероховатости и экзистенциальной глубины. Информация не задерживается в пространстве, она требует постоянного обновления, порождая бесконечный информационный шум, который парализует способность человека к глубокому созерцанию и соприкосновению с подлинным Бытием.

Исследование триумфального шествия симулякра в современном мире подводит нас к фундаментальному философскому вопросу: существует ли возможность бунта против такой массовой симуляции, или господство гиперреальности окончательно и бесповоротно стерло саму территорию реального бытия? Жан Бодрийяр в своих поздних работах занимает предельно скептическую и даже катастрофическую позицию. Он полагает, что традиционные формы социального и политического сопротивления в эпоху постмодерна потеряли свою эффективность. Любая попытка открытого бунта, выраженная на языке знаков, моментально поглощается и нейтрализуется системой симуляции. Революционные лозунги превращаются в модные бренды, протестные движения становятся контентом для развлекательных телеканалов, а маргинальные идеи коммерциализируются и интегрируются в потребительский алгоритм. Система обладает бесконечной способностью переваривать и симулировать сопротивление, превращая его в очередное зрелище.

Индустрия разделения, выросшая на почве искусственно культивируемой моральной паники, пустила свои корни в самые глубокие и невиданные сферы человеческих взаимоотношений. Прикрываясь благородными лозунгами заботы о ментальном здоровье граждан и защите национальной безопасности, антикультизм

совершает самое страшное преступление современности — уничтожает базовое доверие между людьми. Эта отравленная, параноидальная оптика сегодня активно внедряется в школы и высшие учебные заведения, превращая образовательное пространство из колыбели мысли в зону строгого идеологического надзора. Учителя, вместо того чтобы пробуждать в детях интерес к миру и уважение к разнообразию человеческого опыта, постепенно превращаются в надзирателей, обязанных выискивать в поведении, рисунках, увлечениях или семейных традициях своих учеников зловещие признаки «деструктивности». В результате разрушается хрупкий диалог между поколениями. Ломаются неокрепшие детские судьбы, рушатся союзы, веками державшиеся на любви и взаимопонимании, а общество превращается в атомизированную массу испуганных одиночек, готовых по первому сигналу телевизионного эксперта отречься от брата, мужа или ребенка во имя иллюзорного спасения от выдуманной угрозы.

Алгоритмы, использовавшиеся вчера для травли небольших религиозных общин в спальных районах городов, сегодня с легкостью масштабируются до масштабов глобальной геополитики. Те же самые лекала навешивания ярлыков, та же самая риторика борьбы с «чуждым влиянием» и «деструктивными ментальными вирусами» ложатся в основу оправдания масштабных войн и уничтожения целых цивилизаций. Война становится лишь логическим завершением процесса семиотического исключения, когда пушки начинают стрелять по тем, кто уже давно был объявлен не вполне человеком на экранах телевизоров и в экспертных отчетах.

Гуманистический оптимизм конца прошлого столетия убаюкал нас верой в то, что тоталитарные кошмары, лагеря смерти и государственная инквизиция остались в далеком прошлом, зафиксированные лишь на черно-белых кадрах хроники и в мемориальных комплексах. Мы привыкли думать, что нацистская программа борьбы с сектами, систематически уничтожавшая инакомыслящих во имя чистоты расы и идеологии, была окончательно осуждена и больше никогда не вернется в практику цивилизованных государств. Но зло не исчезает, а меняет форму, переодеваясь в одежды, соответствующие вкусам новой эпохи. Отпала необходимость в строительстве физических концлагерей для несогласных, ведь гораздо эффективнее и гигиеничнее уничтожить человека семиотически. Перед лицом этой всеобъемлющей, цифровизированной и алгоритмически точной индустрии подавления человеческого духа легко поддаться чувству беспомощности и опустить руки. Кажется, что одинокий

человеческий голос бессилен против мощи медийных холдингов, государственных бюджетов и векового страха обывателя перед неизвестным.

Но именно в этой точке абсолютного тупика, на самом краю онтологической бездны, рождается понимание того, что бунт против империи симулякров не может быть делом партий, комитетов или судов. Это восстание всегда начинается в глубокой тишине и одиночестве отдельного человеческого сердца. Невозможно победить индустрию производства врагов, составляя собственные списки неудобных и отвечая ненавистью на ненависть. Истинное сопротивление — это радикальный возврат к подлинности бытия, к способности видеть мир своими глазами, а не через линзы навязанных медийных шаблонов. Это ежедневный, мужественный труд по удержанию внутренней тишины и ясности ума в условиях бушующего информационного шума. Каждый из нас несет всю полноту личной ответственности за то, какой мир мы создаем своим согласием или молчанием. В этой великой битве за человеческую душу не существует нейтральной территории или комфортной роли стороннего наблюдателя.

Тот, кто молча проходит мимо травли соседа за его «неправильные» убеждения, кто закрывает глаза на превращение школ в пункты идеологического досмотра, кто соглашается с навешиванием клейма «деструктивности» на тех, чьи взгляды просто сложнее и глубже общепринятого стандарта, уже сделал свой выбор. Равнодушие в эпоху тотальной симуляции — это не пассивность, это самая деятельная и эффективная форма соучастия в преступлении. Своим конформизмом, своим нежеланием вникать в суть происходящего и защищать слабого мы добровольно отдаем наши города, наши семьи и наше будущее в руки демиургов страха. Мы позволяем им стирать живую, теплую, дышащую жизнь и превращать ее в холодный, упорядоченный цифровой код. Но у нас остается инструмент, против которого бессильны любые аналитические центры, любые экспертные заключения и любые законы подавления — это наша способность к живой, не поддающейся моделированию, иррациональной любви к ближнему. Это смелость протянуть руку дружбы тому, кого общество объявило изгоем. Это способность заглянуть в глаза другому и увидеть за всеми масками и категориями не представителя опасного культа бесконечную, хрупкую, страдающую и ищущую света вселенную.

Только так, шаг за шагом возвращая себе способность сострадать без предварительных условий, мы сможем разорвать паутину симулякров и вернуть реальности ее священные права. Нам необходимо проснуться от этого навязанного сна,

стряхнуть с души морок страха и подозрительности, пока наше долгое и покорное молчание окончательно не превратило планету в мертвую пустоту, где в конце темного коридора не останется ничего, кроме нашего собственного отражения, навсегда утратившего способность чувствовать и любить.

Бодрийяр указывает на возможность иных, непрямых и фатальных стратегий противостояния. Если такой подход невозможно победить на его собственном поле с помощью рационального противодействия, то бунт должен принять форму радикального отказа от репрезентации, форму молчания, исчезновения или иронии. Философ говорит об имплозии системы через доведение ее собственных принципов до абсурда. Поскольку симуляция требует непрерывной обратной связи, генерации смыслов и активности от субъектов, самым разрушительным жестом становится полная пассивность масс, их отказ быть репрезентированными, их глухое, безмолвное сопротивление интерпретации. Это бунт объекта, который отказывается быть субъектом симуляции.

Эта фатальная игра начинается там, где субъект отказывается от иллюзии своего суверенитета и своего права на интерпретацию, переходя на сторону самого объекта, который всегда оказывается коварнее, циничнее и гениальнее любой пытающейся его подчинить системы. В мире, где масс-медиа и алгоритмы требуют от нас непрерывного самовыражения, бесконечного продуцирования мнений, оценок, лайков и обратной связи, самым разрушительным жестом становится радикальное, глухое молчание масс. Это не пассивность жертвы, но стратегическое, ироническое безмолвие, о которое разбиваются любые социологические прогнозы, маркетинговые стратегии и политические манипуляции.

Массы совершают фатальный вызов тем, что полностью принимают навязанную им роль чистого объекта, возвращая системе ее собственные требования в гипертрофированном, доведенном до абсурда виде. Это стратегия гиперконформизма: когда от потребителя требуют потребления, он начинает потреблять с такой экстатической, разрушительной избыточностью, что превращает саму экономику знаков в гротескный фарс, взрывающий систему изнутри через имплозию.

Доводя логику симулякров до ее логического, абсолютного предела, продолжая ее движение с такой скоростью, что система теряет способность удерживать собственное равновесие, человек совершает акт объективной иронии, обнажающей пустоту и

хрупкость гиперреального порядка. Эта фатальная ирония объекта — не готовая программа освобождения, а скорее негативный жест разрыва, позволяющий нанести удар по монополии кода, но сам по себе еще не возвращающий человеку утраченную плотность бытия. Чтобы по-настоящему разорвать удушающую цепь связи цифровой симуляции и вернуть себе суверенитет ясного сознания, необходим переход к конкретным основополагающим практикам, способным восстановить непосредственный, не опосредованный экранами контакт с сущим.

Главным инструментом здесь выступает радикальный интеллектуальный аскетизм, который начинается с осознания того, что современный информационный поток — это не источник знания, а инструмент онтологического рассеяния. Медиа-детокс в этой оптике перестает быть просто гигиенической процедурой или временным отдыхом от социальных сетей; он становится суверенным актом неповиновения. Человек, сознательно закрывающий экраны гаджетов и выходящий из-под диктата непрерывно обновляющихся новостных лент, совершает деколонизацию собственного внимания, возвращая уму способность к длительной концентрации, глубокому созерцанию и тишине, внутри которой только и может родиться подлинная мысль, а не ее алгоритмический симулякр.

Вслед за очищением ментального пространства неизбежно следует возвращение к физической реальности, к грубой, плотной, упрямой материи мира, которую невозможно оцифровать без утраты ее онтологического веса. Непосредственный контакт с землей, лесом, стихиями природы, требующими от человека не кликов по стеклу, а физического усилия, выносливости и смирения перед их вечными законами, возвращает сознанию его телесный якорь. Ручной труд и творчество, направленные на создание уникальных, осязаемых предметов, выступают мощнейшим противоядием от диктата симулякров, поскольку они порождают единичные, невоспроизводимые формы присутствия, близкие к тому, что в поздней философской традиции Бодрийера можно соотнести с логикой сингулярного.

Вещь, созданная руками мастера — будь то выточенная из дерева чаша, написанная на холсте картина или возделанный сад, — обладает уникальной аурой, шрамами несовершенства и плотностью присутствия, которые делают ее не сводимой полностью к рыночному обмену и законам абстрактных эквивалентов. Это не просто товары и не знаки статуса; это материализованные мгновения чистого бытия, неповторимые узлы

человеческого времени и заботы, которые невозможно без остатка скопировать, масштабировать или исчерпать цифровым кодом. Настоящее искусство, рожденное из этого живого соприкосновения с миром, не симулирует реальность и не развлекает пресыщенного потребителя, а служит прорывом сквозь пелену симулякров, обнажая первозданную тайну присутствия вещей в пространстве.

Именно на этом пути возвращения к подлинности совершается глубочайший духовный прорыв, укорененный в вере и искреннем устремлении человеческой души к Богу. Религиозный опыт в его чистом, необъятном измерении представляет собой абсолютный и непреодолимый предел для любой симуляции, поскольку живой Бог и сфера священного в своем подлинном измерении не исчерпываются превращением в товарный знак или плоский медийный образ. Можно симулировать внешние атрибуты религиозности, построить декорации храмов, превратить священные тексты в академические дисциплины или политические лозунги, но невозможно симулировать огненное присутствие Духа, трансцендентный прорыв, преображающий человеческое сердце и наполняющий его тихой, ни от чего не зависящей радостью. Люди, искренне верящие и ищущие Творца, обретают внутри симулированной цифровой пустоты поразительную полноту жизни и счастье, которые кажутся современному секулярному обществу необъяснимым и даже опасным парадоксом. Их покой и радость не нуждаются в одобрении алгоритмов, они не зависят от колебаний рыночной конъюнктуры или социального статуса, потому что их онтологический источник находится вне симулированной вселенной, в неисчерпаемом источнике истинного Бытия.

Эта суверенная, неконтролируемая радость верующих может вызывать глухое раздражение у тех, кого можно назвать жандармами симуляции — критиков, антикультистов и профессиональных обличителей, охраняющих холодный, усредненный код гиперреальности от любого живого духовного прорыва. Если проанализировать феномен антикультизма сквозь призму философии Бодрийяра, становится очевидным, что часть этой агрессии может быть направлена не только против конкретных доктрин или общин, но и против самого факта существования иной, не поддающейся контролю шкалы ценностей и источников счастья. Для системы, в которой всякая эмоция должна быть опосредована потреблением, а всякий смысл — вписан в сетку рыночного консенсуса, искреннее счастье верующего человека выпадит как опасная ошибка, как несанкционированное вторжение трансцендентного огня в ледяные лабиринты симуляции. Антикультисты часто воспринимают как угрозу зрелище людей,

обретших внутренний мир и покой вне рамок цифрового потребления, и потому стремятся вернуть их в общее стадо симулированного беспокойства, где каждый обязан чувствовать себя перманентно неудовлетворенным, одиноким и зависимым от медийных суррогатов.

Губительность растворения в этих суррогатах, предлагаемых социальными сетями и индустрией виртуальных развлечений, сегодня принимает масштабы серьезного социального и духовного кризиса. Цифровой субъект, проводящий часы в погоне за иллюзией присутствия, добровольно отдает свою жизненную энергию на поддержание чужих алгоритмических моделей. Социальные сети создают страшный эрзац общения, где живой, сложный, уязвимый Другой заменяется плоским, отредактированным пиксельным образом, который можно легко перелистнуть или заблокировать, избегая малейшего душевного усилия. В этой бесконечной погоне за цифровыми отражениями человек незаметно теряет контакт с собственным бытием, его внутренняя память колонизируется чужими образами, а способность переживать глубокие, тихие чувства атрофируется, уступая место хронической тревоге и духовному истощению. Этому безумному бегу по зеркальным лабиринтам необходимо противопоставить простую, глубокую и тихую радость реального момента — созерцание медленно гаснущего заката, вкус чистой воды, теплоту человеческой руки и глубину неторопливой беседы лицом к лицу, когда две личности встречаются в пространстве истинного присутствия, не нуждаясь в посредничестве экранов.

Особое философское значение в контексте аналогового сопротивления приобретает эстетика изъядна и исторической изношенности. В то время как цифровой симулякр стремится к абсолютной, глянцевой бесшовности, лишенной времени и изъяднов, аналоговая вещь живет в историческом времени. Она стареет вместе со своим владельцем, покрывается патиной, царапинами и трещинами. Эти дефекты являются не признаками брака, а свидетельствами подлинности, уникальными шрамами времени, повествующими о биографии вещи. Замечательным воплощением этой философии является японское искусство кинцуги — традиция реставрации разбитой керамики с помощью лака, смешанного с золотым порошком. Вместо того чтобы скрывать трещины, кинцуги подчеркивает и облагораживает их, превращая разрушение в элемент эстетического триумфа и исторической преемственности.

Метафора шрама и искусства кинцути служит ключевым концептом для понимания подлинного пути современного человека. Человеческая душа, израненная и деформированная пребыванием в цифровой симуляции, не должна стремиться к фальшивой, безжизненной гладкости симулированного идеала, предлагаемого индустрией психотренингов и алгоритмов успешности. Принятие своих душевных и телесных шрамов, своей конечности, уязвимости и смертности — это способ обрести подлинную идентичность. Борьба за свободу духа сегодня — это борьба за право обладать смертным, устающим, но чувствующим телом, способным к состраданию и любви, в противовес бессмертному, стерильному и бездушному цифровому аватару.

Проблема современного человечества, убаюканного сладким ядом гиперреальности, заключается в том, что прозрение слишком часто приходит лишь тогда, когда исправить уже ничего невозможно. Наблюдения за людьми в конце жизни, включая известную книгу Бронни Вэр, выросшую из ее опыта работы в паллиативном уходе, открывают нам простую и тяжелую истину. Перед лицом неминуемой смерти, когда осыпаются все декорации социального театра, гаснут экраны и симулякры теряют свою магическую силу, люди обнаруживают поразительную ясность сознания и горько сожалеют о вещах, которые на протяжении всей их жизни казались им второстепенными. Эти предсмертные откровения складываются в единый, сокрушительный манифест, разбивающий иллюзии общества и призывающий каждого из нас очнуться от цифрового сна, пока наше время не истекло окончательно.

Самым глубоким и непереносимым сожалением умирающих людей, которое Бронни Вэр выделяет как одно из главных в своем опыте, оказывается осознание того, что им не хватило смелости прожить свою собственную жизнь, оставаясь верными своей глубинной сути, а не тем ожиданиям, шаблонам и ролям, которые навязывали им другие. Человек с ужасом понимает, что всю свою жизнь он посвятил симуляции чужого успеха, подстраивался под стандарты одобрения семьи, коллег и безликого общества, оставив свои сокровенные мечты, таланты и стремления нереализованными на обочине чужого сценария.

Вторым по силе и частоте становится горькое сожаление о том, что они слишком много времени и сил отдавали изнурительной, опустошающей работе, превращая свою жизнь в бесконечную гонку за материальными знаками статуса и карьерными симулякрами успеха. Мужчины и женщины на пороге вечности плачут о том, что из-за

этой суеты они пропустили детство своих сыновей и дочерей, не успели подарить теплоту и внимание своим супругам, заменив живое общение и заботу дежурными подарками и суррогатами присутствия.

Не менее мучительным на пороге ухода оказывается сожаление о нехватке смелости открыто выражать свои истинные чувства — говорить «люблю» тем, кто дорог, просить прощения и смеяться от переполняющей сердце радости. Подавляя свои эмоции ради сохранения ложного мира в отношениях с окружающими, боясь показаться слабыми или неудобными в рамках социальных условностей, люди проживали посредственную, серую жизнь, нося в себе тяжелый груз невысказанных обид, горечи и неразделенной нежности, которые со временем разрушали не только их души, но и тела. Умиравшие с глубокой тоской вспоминают о том, как легкомысленно они позволили прерваться золотым нитям искренней дружбы, не уделяя времени и душевных сил поддержанию связи со своими старыми друзьями, чью незаменимую ценность они осознали лишь в последние недели жизни, когда восстановить утраченное общение стало физически невозможно.

И, наконец, пятым великим откровением уходящих становится шокирующее понимание того, что счастье — это не внешнее обстоятельство, не цель, которую нужно достичь, и не товар, который можно купить, а внутренний выбор, совершаемый человеком в каждом мгновении его жизни. Застыв в старых поведенческих шаблонах, боясь перемен и общественного осуждения, люди годами притворялись довольными своей безопасной, но духовно мертвой рутинной, лишая себя возможности быть спонтанными, искренними и по-детски открытыми миру.

Этот предсмертный опыт уходящих поколений — не просто пассивная статистика человеческих потерь, это громовой набат, призывающий нас совершить побег из плена симуляции прямо сейчас, пока бьется наше сердце и легкие вдыхают живой воздух. Каждый день, проведенный в зеркальном лабиринте гаджетов, каждый лайк, заменивший искреннее объятие, каждый час, отданный бессмысленному труду ради покупки очередного симулякра престижа, приближает нас к этой финальной, страшной ясности на смертном одре. Выход из симуляции начинается не с глобальных революций, а с простого решения вернуть себе свое внимание, свое тело и свою душу. Проснуться — значит обрести смелость закрыть экран, выйти на тихую улицу, вдохнуть запах мокрой земли, посмотреть в глаза близкому человеку и, отбросив все навязанные роли,

сделать первый шаг навстречу своему истинному, несимулированному бытию, укорененному в любви, творчестве и тихом присутствии живого Бога.

Глава 5. Агония репрессивного симулякра: пустота в конце коридора

Переход репрессивного аппарата от точечного идеологического контроля к полному медийному манипулированию знаменует собой вступление в фазу симулякра, утратившего устойчивую связь с реальностью. На этом этапе репрессивные концепты утрачивают проверяемую связь с объективной реальностью, превращаясь в самовоспроизводящиеся знаковые конструкции, которые производятся и воспроизводятся внутри самой медийной среды для самопрезентации властных элит. Ярким примером подобного семиотического вырождения является деятельность отечественных антикультовых структур и возникновение псевдонаучной дисциплины, получившей название «деструктология», связанной прежде всего с Романом Силантьевым и близкой к более широкой антикультовой среде, в которой заметную роль играл Александр Дворкин. Согласно Жану Бодрийяру, симулякр проходит стадии от отражения реальности к ее искажению, маскировке ее отсутствия и, наконец, к состоянию, где знак уже не отсылает ни к какой устойчивой реальности, кроме собственной циркуляции. «Деструктология» как теоретический конструкт во многом приближается к этому определению. Она конструирует крайне расширительный мир, населенный потенциальными «деструктивными элементами», «тоталитарными сектами» и невидимыми сетями влияния, которые якобы угрожают национальной безопасности. Этот конструкт не столько описывает реальные социальные процессы, сколько генерирует их виртуальные модели, которые затем используются для обоснования вполне реального административного и судебного давления.

В то же время функционирование этой антикультовой отрасли можно рассматривать через призму «общества усталости», описанного Бён-Чхоль Ханом. В позднем капиталистическом обществе субъект подвергается избыточному давлению со

стороны требований эффективности, успешности и непрерывной коммуникации. Репрессивный аппарат пытается использовать эту экзистенциальную усталость и тревогу обывателя, перенаправляя ее на искусственно созданные объекты ненависти. Однако, как показывает Хан, постоянная эксплуатация негативных аффектов — страха, подозрительности, ресентимента — ведет к психологическому выгоранию не только отдельных индивидов, но и всего социума.

Медийное пространство, переполненное криками об опасности очередных «деструктивных культов», превращается в токсичную среду, вызывающую у потребителя информации не мобилизацию, а глубокое отторжение и психологическую анестезию. Подавляющая сеть, стремясь подчинить себе сознание масс через постоянное нагнетание страха, в конечном итоге сталкивается с непреодолимым пределом человеческой психики — усталостью от эмоций, которая запускает процесс обратной имплозии.

Любая система репрессивного контроля, опирающаяся на механизмы «моральной паники» в смысле Стэнли Коэна, подчиняется законам своеобразной информационной термодинамики. Для поддержания высокого уровня общественной тревоги и готовности одобрять репрессивные меры необходимо непрерывно повышать интенсивность и масштабы транслируемых угроз. На начальных этапах достаточно было пугать обывателя экзотическими религиозными движениями или очевидными криминальными проявлениями на периферии религиозной жизни. Однако со временем порог чувствительности аудитории неизбежно повышается: то, что вчера вызывало шок и ужас, сегодня становится обыденным медийным фоном.

В попытках удержать ускользающее внимание и подтвердить свою государственную и финансовую полезность идеологи деструктологии вынуждены пускаться во все более радикальные семиотические экстраполяции. Начинается абсурдный процесс расширения понятия «деструктивности», когда в категорию потенциально опасных явлений зачисляются совершенно невинные, социально одобряемые или нейтральные феномены: занятия йогой и восточными практиками психофизической регуляции, увлечение экологическим активизмом и вегетарианством, академический интерес к восточной философии и мистицизму, детские и молодежные субкультуры, современные психологические тренинги личностного роста и коучинг. Этот безудержный дрейф деструктологического симулякра в область абсурда неизбежно

ведет к девальвации самого понятия угрозы. Когда «деструктивным» объявляется практически любое проявление индивидуальности, не укладывающееся в жесткие рамки бюрократического конформизма, общество перестает воспринимать сигналы опасности всерьез. Происходит привыкание к шоку. Человеческий мозг не может находиться в состоянии перманентной симпатoadреналовой мобилизации; длительное воздействие стрессогенных медийных стимулов включает механизмы психологической защиты, такие как эмоциональное притупление, избегание и информационное отстранение.

Этот теоретический коллапс соотносится с исследованиями феномена «усталости от медиа» (*media fatigue*). Данные показывают, что длительное потребление негативно окрашенного, панического контента может приводить к снижению доверия к источникам информации. Обыватель, уставший от бесконечного поиска врагов, просто выключает каналы пропаганды или воспринимает их сообщения как нерелевантный белый шум. Более того, в правовом и экспертном пространстве наметилась тенденция к критическому пересмотру подобных псевдонаучных концепций. Особенно показательным стал спор вокруг «деструктологической экспертизы» в резонансном театральном деле: Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте указал, что такого вида судебной экспертизы не существует, а деструктология не является наукой и не содержит общепринятых научных и практических данных. Ряд ученых также публично выступал против легитимации подобных гуманитарных экспертиз в судах. Это не означает мгновенного краха всей репрессивной машины, но показывает ее уязвимое место: там, где требуется строгая методология, на поверхность выходит публицистический и идеологический характер конструкции.

Когда симулякр «тоталитарной секты» раздувается до космических масштабов, стремясь вобрать в себя всю полноту социального разнообразия, он неизбежно утрачивает свою дифференцирующую способность. Знак, который означает все, не означает больше ничего. Происходит семиотическое самопожирание: стремясь заклеить и подчинить себе любые формы девиации, система уничтожает саму границу между нормой и патологией, превращая норму в недостижимый, стерильный конструкт, а патологию — в общее состояние социального бытия. Реакция общества на такой медийный террор оказывается прямо противоположной той, на которую рассчитывали его создатели. Вместо патриотической мобилизации, священного гнева и активного содействия «охотникам на ведьм» репрессивный аппарат сталкивается с феноменом, который Жан Бодрийяр назвал бы «холодной имплозией масс». Массы больше не верят

в транслируемые смыслы, но они и не восстают против них открыто. Они выбирают более радикальную и эффективную стратегию — внутреннее отключение. Ложь репрессивной системы, лишенная подпитки в виде искреннего страха или активного сопротивления, начинает пожирать саму себя.

Скрипят старые, разошедшиеся половицы сцены, которая еще вчера казалась неизблемым постаментом величия. Тяжелый, пахнущий многолетней пылью и застарелым страхом занавес медленно опускается, отсекая тусклый свет рампы от темнеющего, стремительно пустеющего зала. В этом полумраке, где когда-то гремели срежиссированные овации, иступленные крики запуганной толпы и почтительные рукоплескания чиновников, теперь гуляет лишь холодный сквозняк забвения. На краю сцены, вглядываясь в бездонную пустоту партера, застыла одинокая фигура. Это Александр Леонидович Дворкин. Человек, некогда повелевавший судьбами, вершивший квазинаучные суды и одним росчерком пера ломавший жизни тысяч людей, сегодня обнаруживает себя в сокрушительном одиночестве. Его нынешнее положение — это не просто очередное аппаратное поражение или естественное возрастное угасание. Это глубокая, всеобъемлющая изоляция. Многолетнее здание антисектантского террора, которое он методично возводил, осыпается сухой штукатуркой. Влияние, казавшееся когда-то безграничным, с каждым днем становится всё меньше, оставляя после себя лишь горький привкус.

Но великий обман работает лишь до тех пор, пока люди соглашались верить в навязанные им страхи. Сегодня мы видим, как рушится не просто административный ресурс Дворкина, а сама ментальная матрица, которую он навязывал обществу. Страх уходит. На смену ему приходит глубокое, осознанное пробуждение. Этот крах стал возможен благодаря тому, что обычные люди перестали молчать. Долгие годы жертвы антисектантского террора жили в изоляции, раздавленные чувством вины и общественного порицания. Им казалось, что они одиноки в своей беде против огромной, поддерживаемой государством машины лжи. Но когда первые из них нашли в себе мужество заговорить открыто, плотина начала рушиться.

Голоса пострадавших зазвучали сначала в независимых блогах, затем на международных правозащитных площадках, в книгах-расследованиях и судебных залах. Люди начали рассказывать, как у них отбирали детей на основании фальшивых

дворкинских экспертиз, как их увольняли с работы, как их подвергали травле в региональной прессе. Эти свидетельства, наполненные живой болью и непреклонной правдой, оказались сильнее любых квазинаучных докладов РАЦИРС.

Эпоха разоблачений и судебных исков один за другим начали пробивать некогда непробиваемую броню Дворкина. Одним из самых громких поражений стал судебный процесс 2007 года по иску Московской Хельсинкской группы. В эфире программы «Национальный интерес» на телеканале «Россия» Дворкин, уверовавший в свою полную неприкосновенность, безапелляционно заявил, что эта старейшая правозащитная организация страны «постоянно поддерживает все секты» и буквально «состоит на жаловании у саентологии». Это была типичная для него ложь, рассчитанная на мгновенный эмоциональный эффект. Но правозащитники не стали терпеть оскорбления и обратились в суд. Хорошевский районный суд Москвы, детально изучив материалы дела, признал утверждения Дворкина клеветой, не соответствующей действительности и порочащей деловую репутацию организации. Суд обязал Александра Леонидовича за свой счет дать опровержение в эфире того же телеканала. И хотя его адвокаты впоследствии приложили колоссальные усилия, чтобы затянуть и девальвировать исполнение этого решения с помощью процессуальных уловок, юридический прецедент был создан: суд официально зафиксировал, что главный «эксперт» страны — обыкновенный клеветник.

Еще более болезненным и разоблачительным стал Ярославский процесс 2006 года. Кировский районный суд Ярославля разбирал иск Дворкина к местным журналистам, посмеявшим сравнить его методы с деятельностью одиозного царского провокатора Георгия Гапона. Пытаясь защитить свою якобы безупречную репутацию, Дворкин инициировал процесс, который в итоге обернулся против него самого. В ходе судебных заседаний на свет божий были вытащены крайне неудобные и тщательно скрываемые факты его биографии.

Суд официально признал абсолютной правдой и отказался считать порочащими сведения о том, что Александр Леонидович в 1980 году принял православное крещение в Америке, будучи выходцем из иудейской среды, и что он имеет американское гражданство, которое никогда не аннулировал. Более того, суд признал вполне обоснованными и соответствующими действительности оценочные суждения журналистов о том, что Дворкин является «одиозной личностью» и «разжигателем

межрелигиозных конфликтов». Этот процесс фактически сорвал с него маску исконно русского православного патриота, показав обществу портрет гражданина, использующего грязные манипулятивные технологии для раскола российского общества по религиозному признаку.

Далее речь пойдёт о беспрецедентном по своей нелепости и разрушительности инциденте — судебном процессе над священной книгой «Бхагавад-гита как она есть» в Томске в 2011–2012 годах. Эта авантюра, задуманная структурами Дворкина как очередной победоносный поход против «чуждых влияний», обернулась крупнейшим дипломатическим скандалом в современной истории России и навсегда лишила Дворкина доверия со стороны прагматичной части государственного аппарата. История началась с того, что возглавляемая Дворкиным Российская ассоциация центров по изучению религий и сект (РАЦИРС) инициировала проведение комплексной экспертизы перевода и комментариев к древнему индуистскому тексту, выполненных основателем Международного общества сознания Кришны Бхактиведантой Свами Прабхупадой. Томская прокуратура, доверившись авторитету «главного эксперта при Минюсте», направила в суд иск с требованием признать эту книгу экстремистским материалом. В обвинительном заключении, составленном по лекалам дворкинского «сектоведения», утверждалось, что древний духовный трактат пропагандирует насилие, социальную рознь и религиозную исключительность.

Реакция на этот процесс в самой Индии оказалась чрезвычайно резкой и болезненной для российской дипломатии. Для значительной части индийского общества посягательство на «Бхагавад-гиту» — одну из важнейших книг их духовной и философской традиции — было воспринято как прямое оскорбление национальной святыни. Индийские телеканалы транслировали репортажи о процессе в Томске, представляя его как абсурдную попытку российских региональных структур судить текст, почитаемый миллионами верующих. В Нью-Дели и других городах прошли протестные акции. Разгневанные участники протестов выходили к российским дипломатическим представительствам; отдельные радикальные группы угрожали расширением акций, а в одном случае сообщалось о сожжении российского флага. В индийском парламенте — Лок Сабхе — дело вызвало бурные обсуждения. Лидеры ряда политических сил требовали от правительства вмешаться в ситуацию. Министр иностранных дел Индии С. М. Кришна выступил со специальным заявлением, назвав судебный иск в Томске явно абсурдной инициативой невежественных или

мотивированных людей. Под угрозой оказался комплекс стратегических, экономических и военных отношений между Россией и Индией — партнерство, выстраивавшееся десятилетиями.

Российскому Министерству иностранных дел под руководством Сергея Лаврова пришлось в экстренном порядке гасить этот геополитический пожар. Российские дипломаты в Нью-Дели были вынуждены давать бесконечные объяснения, оправдываясь перед индийским руководством за дремучую некомпетентность региональных структур и их духовных вдохновителей из Москвы. Официальный представитель МИД РФ Александр Лукашевич выступил с заявлением, в котором подчеркнул глубокое уважение России к индуизму и пояснил, что объектом судебных претензий является не сам священный текст, а особенности его интерпретации в конкретном издании. Однако эта тонкая богословская деталь мало кого могла успокоить.

Судебный фарс в Томске также бесславно провалился. В декабре 2011 года Ленинский районный суд Томска полностью отклонил иск прокуратуры, а в марте 2012 года Томский областной суд подтвердил это решение, оставив его в силе. Этот инцидент наглядно продемонстрировал прагматичным государственным чиновникам, технократам и спецслужбам, что «сектоведение» в исполнении Дворкина — это не инструмент защиты государственной безопасности, а неуправляемая, взрывоопасная игрушка, способная в любой момент разрушить важнейшие внешнеполитические союзы страны. За этими крупными поражениями последовала лавина других исков и обращений. В 2017 году Люблинский суд Москвы рассматривал дело по иску представителя индуистской общины Пракаша Кумара, обвинившего принадлежащий Дворкину интернет-портал в систематическом оскорблении чувств верующих и осквернении традиционного индуизма. Из уважаемого государственного эксперта Дворкин стремительно превращался в токсичного маргинала, чье имя в судебных инстанциях ассоциировалось исключительно со скандалами, ложью и разжиганием ненависти.

Его деятельность внутри FECRIS давно привлекла внимание международных правозащитных структур и организаций, занимающихся свободой религии или убеждений. Важным источником критики стали материалы Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF). В своих официальных отчетах Комиссия упоминала Дворкина как одного из наиболее заметных российских

антикультовых активистов и критиковала влияние радикальной антикультовой риторики на положение религиозных меньшинств. В документах USCIRF подчеркивалось, что подобные активисты и связанные с ними сети способствуют подозрительному отношению государства к независимым религиозным группам и могут усиливать давление на них. Это было важным международным сигналом: антикультовая деятельность Дворкина и близкой к нему среды стала рассматриваться не только как внутрироссийская экспертная практика, а как фактор риска для свободы совести и прав религиозных меньшинств.

Следствием этих разоблачений стали жесткие заявления на уровне Организации Объединенных Наций (ООН) и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). На сессиях ОБСЕ по человеческому измерению правозащитники раз за разом поднимали вопросы о недопустимости государственной поддержки структур, ассоциированных с FECRIS. Международные эксперты указывали, что доклады Дворкина, транслируемые через европейские каналы, служат оправданием для преследования верующих, обысков, арестов и фактического уничтожения свободы вероисповедания.

Серьезные судебные и репутационные удары по антикультовой среде, связанной с FECRIS, произошли в Германии и Франции. В Гамбурге местный суд запретил FECRIS распространять ряд порочащих и недоказанных утверждений о Свидетелях Иеговы, прозвучавших в контексте антисектантской конференции. Немецкое правосудие показало, что антикультовая риторика не освобождает от обязанности доказывать фактические обвинения. Во Франции же — на родине организации — давно ведутся споры вокруг государственного финансирования FECRIS и вопроса о том, совместима ли поддержка антисектантских структур с принципом религиозной нейтральности государства. После критики российских представителей FECRIS на фоне войны против Украины организация убрала с сайта упоминания российских ассоциаций и выступила с заявлением в поддержку Украины, однако открытого и однозначного публичного разрыва со всеми прежними российскими фигурами тогда зафиксировано не было. Дворкин, бывший вице-президент FECRIS в 2009–2021 годах, оказался в центре международной критики как один из наиболее заметных представителей российской антикультовой среды, чья деятельность все чаще рассматривалась правозащитниками как фактор риска для свободы совести и прав религиозных меньшинств.

Когда рушится колосс, построенный на лжи, этот процесс редко бывает беззвучным. Сначала из-под фундамента вылетают мелкие камни, затем по фасаду пробегают глубокие, серьезные трещины, и наконец вся тяжелая, веками казавшаяся незыблемой конструкция с грохотом оседает, погребая под собой своих создателей и обнажая то, что так долго скрывалось в подвалах. Именно это продолжает происходить сегодня с некогда могущественной империей Александра Дворкина. Эпоха, когда одно лишь его слово могло разрушить человеческую жизнь, закрыть общественную организацию или натравить ОМОН на мирное собрание верующих, постепенно начинает уходить. На смену страху, который он так искусно сеял десятилетиями, пришло время неумолимого, ежедневного разоблачения.

Каждое новое утро приносит новые факты, которые больше невозможно скрыть за авторитетными званиями и покровительством высоких покровителей. В открытый доступ один за другим утекают архивы его Центра священномученика Ириния Лионского, личная переписка, внутренние финансовые отчеты и стенограммы закрытых совещаний. Из этих документов перед изумленным обществом предстает совсем иной Дворкин. Вскрылась тщательно скрываемая изнанка финансирования его антисектантской сети.

Особое омерзение у общества вызвали разоблачения методов фальсификации религиоведческих экспертиз. Выяснилось, что заключения, на основании которых суды выносили запретительные приговоры и ломали судьбы тысяч людей, писались под копирку, без проведения каких-либо научных исследований. Дворкин и его подручные использовали псевдонаучный метод, в котором выводы обвинения были известны заранее, а весь «анализ» сводился к компиляции вырванных из контекста цитат, откровенного вранья и нагнетания истерии. Это было психологическое насилие, возведенное в ранг государственной политики, когда невиновных людей методично доводили до депрессии, лишали работы, семей и средств к существованию, выставляя их «социально опасными элементами».

Царство Дворкина никогда не было театром одного актера. Это десятилетия скоординированной работы целой сети сообщников, свивших ядовитую паутину на огромных пространствах СНГ, Украины и европейских государств. Сегодня, когда свет правды проникает в самые темные углы этой структуры, имена его верных оруженосцев и соавторов этой трагедии выходят на поверхность. Годами бок о бок с Дворкиным

трудились те, кто взял на себя роль палачей человеческих душ в регионах. В Сибири это был Александр Новопашин — человек, прикрывавший агрессивную ксенофобию и ненависть священническим облачением, превративший свою кафедру в трибуну для разжигания межрелигиозной розни. Именно он курировал самые жесткие силовые акции против религиозных меньшинств, координируя действия радикальных молодежных группировок и местных силовых ведомств.

В Москве и на федеральном уровне эту сеть цементировал Роман Силантьев, создавший под видом «деструктологии» франшизу для штамповки любых заказных экспертиз. Силантьев довел идеи Дворкина до абсолютного абсурда и предельной жестокости: теперь любого человека, мыслящего нестандартно или выражающего несогласие с официальным дискурсом, можно было объявить «деструктивным элементом» и подвергнуть судебному преследованию. Это они, прикрываясь высокими научными званиями и авторитетом экспертных советов, убеждали общество, что вокруг враги, а свобода совести — это опасная западная выдумка, подлежащая немедленному искоренению.

Масштаб разрушений, нанесенных этой кликой, поистине ужасает. Под ширмой «борьбы с сектами» на протяжении четверти века методично уничтожается взаимопонимание между людьми. Они стравливают соседей, заставляя их писать доносы друг на друга. Они разрушают семьи, внушая людям, что их дети или родители, выбравшие иной духовный путь, стали «зомбированными роботами». Они разжигают ненависть между целыми государствами. Наиболее трагические плоды эта деятельность принесла в Украине и странах СНГ.

На протяжении многих лет эмиссары Дворкина систематически раскалывали украинское общество по религиозному признаку, сея семена розни, которые впоследствии проросли кровавыми конфликтами. Под видом защиты «канонической территории» они демонизировали протестантов, греко-католиков, представителей новых восточных учений, создавая в массовом сознании образ внутреннего врага. Они сознательно разрушали хрупкий межконфессиональный мир, лишая целые народы шанса на диалог и согласие. Это целенаправленная духовная диверсия, последствия которой предстоит залечивать.

Разрушение этой паутины лжи — это не просто исторический процесс, за которым можно наблюдать со стороны, сидя в комфортном кресле зрителя. Это вопрос личной

ответственности каждого из нас. Пример империи Дворкина наглядно показывает, как легко общество может соскользнуть в средневековое мракобесие, если позволить профессиональным торговцам страхом монополизировать право на истину. Стоит лишь на секунду проявить равнодушие, отвернуться, когда преследуют твоего соседа за его «неправильные» убеждения, и завтра эта машина придет за тобой. Каждый из нас держит в руках кусочек этой мозаики будущего. Распространение правды, поддержка тех, кто прямо сейчас подвергается дискриминации за свою веру или убеждения, отказ участвовать в травле и писать доносы — это и есть те самые шаги, которые делают невозможным возвращение тоталитарного контроля над разумом. Свобода человека начинается с его личной ответственности перед своей совестью.

Путь к тому, чтобы подобные трагедии никогда больше не повторились, лежит через деятельное милосердие и уважение к чужой свободе. Мы должны научиться видеть в каждом человеке прежде всего человека, а не ярлык, заботливо подготовленный для него очередным «сектоведом». Наше стремление изменить мир к лучшему не должно быть декларативным — оно должно выражаться в конкретной помощи тем, кто пострадал от рук инквизиторов нового времени, в восстановлении разрушенных семейных связей, в терпеливом и бережном выстраивании разрушенного моста доверия между людьми разных культур и верований.

Источники

1. American Psychological Association, Board of Social and Ethical Responsibility for Psychology. (1987, May 11). Memorandum: Final report of the Task Force on Deceptive and Indirect Methods of Persuasion and Control (DIMPAC). CESNUR.
<https://www.cesnur.org/testi/APA.htm>
2. Baudrillard, J. (1994). Simulacra and simulation (S. F. Glaser, Trans.). University of Michigan Press. Original work published 1981.
<https://archive.org/details/simulacrasimulat00baud>
3. Barker, E. (1984). The making of a Moonie: Choice or brainwashing? B. Blackwell.
<https://archive.org/details/makingofmoonie003738>
4. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Anti-cult ideology and FECRIS: Dangers for religious freedom. The Journal of CESNUR, 6(3), 3–24. chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://cesnur.net/wp-content/uploads/2022/05/tjoc_6_3_1_whitepaper.pdf
5. Beyer, T. Writers. In Russians in America: The Third Wave.
<https://community.middlebury.edu/~beyer/ratw/writers.htm>
6. Birmingham, B. The man in the bubble. Scribd.
<https://ru.scribd.com/document/678043007/Brian-Birmingham-The-Man-in-the-Bubble>
7. Cambridge College. Alumni. <https://www.cambridgecollege.edu/alumni>
8. FECRIS. (2015, May 30). Alexander L. Dvorkin.
<https://www.fecris.org/uncategorized/alexander-l-dvorkin/>
9. Hassan, S. A. (2020). The BITE model of authoritarian control: Undue influence, thought reform, brainwashing, mind control, trafficking and the law [Doctoral dissertation, Fielding Graduate University]. ProQuest Dissertations & Theses Global. Publication No. 28263630.
<https://www.proquest.com/docview/2476570146/>
10. Hassan, S. A. (2025, May 11). 49 years free from the Moonies! Substack.
<https://stevenhassan.substack.com/p/49-years-free-from-the-moonies>

11. Hinkle, L. E., Jr., & Wolff, H. G. (1956, April 2). Communist interrogation and indoctrination of “enemies of the state”: Analysis of methods used by the Communist state police [Special report]. Central Intelligence Agency.
<https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP65-00756R000400020008-8.pdf>
12. International Cultic Studies Association. (2025, June 27). Recommended books.
<https://internationalculticstudies.org/recommended-books/>
13. Introvigne, M. (2021, September 30). Brainwashing theories: The myth and the history of “mind control”. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/brainwashing-theories-the-myth-and-the-history-of-mind-control/>
14. Introvigne, M. (2026). Steven Hassan and the “BITE Model”: Science or pseudoscience? The Journal of CESNUR, 10(2), 86–101. chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://cesnur.net/wp-content/uploads/2026/03/tjoc_10_2_2_introvigne.pdf
15. Introvigne, M. (2026, March 9). The truth, please, about Steven Hassan. 3. Is he really an “expert”? Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/the-truth-please-about-steven-hassan-3-is-he-really-an-expert/>
16. Introvigne, M. (2026, March 5). The truth, please, about Steven Hassan. 1. The “BITE Model” as pseudoscience. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/the-truth-please-about-steven-hassan-1-the-bite-model-as-pseudoscience/>
17. Introvigne, M. (2026, April 7). “Brainwashing,” Steven Hassan, and the OneTaste case. 1. Weaponizing anti-trafficking laws. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/brainwashing-steven-hassanand-the-onetaste-case-1-weaponizing-anti-trafficking-laws/>
18. Lifton, R. J. (1961). Thought reform and the psychology of totalism: A study of “brainwashing” in China. W. W. Norton. <https://archive.org/details/thoughtreformpsy00lift>
19. Łobaczewski, A. M. (2006). Political ponerology: A science on the nature of evil adjusted for political purposes. Red Pill Press.
https://openlibrary.org/books/OL26343527M/Political_Ponerology
20. Massachusetts Board of Registration of Allied Mental Health and Human Services Professions. Board of Registration of Allied Mental Health and Human Services Professions.

Mass.gov. <https://www.mass.gov/orgs/board-of-registration-of-allied-mental-health-and-human-services-professions>

21. Myznikov, A., Korotkov, A., Zheltyakova, M., Kiselev, V., Masharipov, R., Bursov, K., Yagmurov, O., Votinov, M., Cherednichenko, D., Didur, M., & Kireev, M. (2024). Dark triad personality traits are associated with decreased grey matter volumes in “social brain” structures. *Frontiers in Psychology*, 14, Article 1326946.

<https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2023.1326946/full>

22. Parlato, F. (2026, February 2). The Steven Hassan files: Part I: Nine women regretted a wellness program — Now their case could redefine coercion for 330 million Americans. Frank Report. <https://frankreport.com/2026/02/02/the-steven-hassan-files-part-i/>

23. Paulhus, D. L., & Williams, K. M. (2002). The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. *Journal of Research in Personality*, 36(6), 556–563. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0092656602005056?via%3Dihub>

24. Psychology Toda. Steven Alan Hassan, counselor, PhD, MEd, LMHC, NCC. <https://www.psychologytoday.com/us/therapists/steven-alan-hassan-northampton-ma/108149>

25. Ranbom, S. (1982, November 3). The shadowy empires that beckon the young. *Education Week*. <https://www.edweek.org/education/the-shadowy-empires-that-beckon-the-young/1982/11>

26. Reddit. (2024, August 1). How the Moonies successfully recruited Steven Hassan [Online forum post]. *r/cults*. https://www.reddit.com/r/cults/comments/1ehp2ma/how_the_moonies_successfully_recruited_steven/

27. Religioscope. (2003, January 19). From deprogramming to strategic interaction: Interview with Steven Alan Hassan. <https://english.religion.info/2003/01/19/from-deprogramming-to-strategic-interaction-interview-with-steven-alan-hassan/>

28. Robbins, T. (2000). “Quo vadis” the scientific study of new religious movements? *Journal for the Scientific Study of Religion*, 39(4), 515–523. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1468-5906.2000.tb00013.x>

29. Rosenberg, L. Lina Rosenberg — Aunt. In *Reflections*. <http://bar-yam.org/aureet/Reflections/Relatives/linaRosenberg.html>

30. Rovner, A. (1980). Kalalatsy. Kovcheg.
<https://openlibrary.org/books/OL57680297M/Kalalatsy>
31. Saner, E. (2012, September 3). I was a Moonie cult leader. The Guardian.
<https://www.theguardian.com/world/2012/sep/03/moonie-cult-leader>
32. Shupe, A. D., & Darnell, S. E. (2024, June 25). CAN: Anti-cultists, deprogramming, and crime. 7. Sexual abuse as a deprogramming tool. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/can-anti-cultists-deprogramming-and-crime-7-sexual-abuse-as-a-deprogramming-tool/>
33. STAND League. Steven Hassan. <https://www.standleague.org/hate-monitor/exposed/steven-hassan.html>
34. STAND Staff. (2022, June 17). Five things to know about Steve Hassan. STAND League. <https://www.standleague.org/newsroom/blog/five-things-to-know-about-steve-hassan.html>
35. United States v. Fishman, 743 F. Supp. 713 (N.D. Cal. 1990).
<https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/743/713/2593631/>
36. Wikipedia. Cult Awareness Network. In Wikipedia.
https://en.wikipedia.org/wiki/Cult_Awareness_Network
37. Wikipedia. Deprogramming. In Wikipedia.
<https://en.wikipedia.org/wiki/Deprogramming>
38. Wikipedia. Судебный процесс над «Бхагавад-гитой как она есть». In Wikipedia.
https://ru.wikipedia.org/wiki/Судебный_процесс_над_«Бхагавад-гитой_как_она_есть»
39. Wright, S. A. (2009). Reframing religious violence after 9/11: Analysis of the ACM campaign to exploit the threat of terrorism. *Nova Religio*, 12(4), 5–27.
<https://online.ucpress.edu/nr/article-abstract/12/4/5/70176/Reframing-Religious-Violence-after-9-11-Analysis?redirectedFrom=fulltext>
40. Zablocki, B. (1997). The blacklisting of a concept: The strange history of the brainwashing conjecture in the sociology of religion. *Nova Religio*, 1(1), 96–121.
<https://online.ucpress.edu/nr/article-abstract/1/1/96/66615/THE-BLACKLISTING-OF-A-CONCEPT-THE-STRANGE-HISTORY?redirectedFrom=fulltex>

41. Голубев, С. (2018, 13 июня). Герой веры из посольства Иисуса. Как «пакет Яровой» сделал из зимбабвийской протестантки злостную нарушительницу КоАП. Медиазона. <https://zona.media/article/2018/06/13/kudzay>
42. Дворкин, А. Л. (2013). Моя Америка: Автобиографический роман в двух книгах с прологом и двумя эпилогами. Христианская библиотека.